

БЕЗРАССУДНАЯ
КОРОЛЕВА

ДЖИН
ПЛЕИДИ

исторический роман

Плейди

Джин Плейди

Безрассудная королева

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1970

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Плейди Д.

Безрассудная королева / Д. Плейди — ООО «ГЕРМЕС БУКС»,
1970 — (Плейди)

ISBN 978-5-9524-6725-5

Принцу Уэльскому необходимо было жениться, и выбор пал на Каролину Брауншвейгскую. Каролина же хотела выйти замуж за майора из армии своего отца, но этому не суждено было произойти. Ее непредсказуемое поведение уже не раз приводило к скандалам, связанным с ее личной жизнью, и родители девушки поспешили устроить ее судьбу. Приехав в Англию, она обнаружила, что любовница ее жениха пытается подорвать ее положение и шпионит за ней. И принц, и ее новая семья, за исключением полубезумного короля, настроены к ней враждебно... Со временем ее благородная натура завоевывает любовь народа, из-за чего муж начинает ненавидеть ее еще сильнее. Каролина становится все более независимой и экстравагантной, пытаясь обойти ловушки, расставленные ей враждебно настроенным двором...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-6725-5

© Плейди Д., 1970

© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1970

Содержание

Свадьба в Брауншвейге	6
Каролине нельзя идти на бал	15
Каролина влюблена	20
Чудо	31
Отъезд в Англию	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Плейди Джин

Безрассудная королева: исторический роман

© Jean Playdi 1970

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Свадьба в Брауншвейге

В Брауншвейге готовились к свадьбе принцессы Шарлотты Георгианы Августы с Фридрихом Вильгельмом, принцем Вюртембергским. Принцессе было шестнадцать лет, но она уже вполне созрела для замужества, ибо придворные нравы в княжестве отличались большой вольностью; как невеста, так и ее младшая сестра, Каролина Амелия Елизавета, никогда не страдали от тех ограничений, которые считались необходимыми при большинстве из королевских дворов. Девушки вели вольную жизнь, общаясь со слугами и деревенскими жителями, и прекрасно понимали, какие обязательства влечет за собой брак.

Принцесса Каролина сидела в классной комнате. Мысли ее были заняты предстоящей свадьбой сестры. Когда же подобное событие произойдет и в ее жизни? Она изводила вопросами свою гувернантку, баронессу де Бодэ.

– Как по-вашему, баронесса, – спрашивала она, – кого выберут в мужа для меня?

– Вашему высочеству известно, что тот день настанет лишь через несколько лет.

– Несколько лет? – возмутилась Каролина. – Господи, как долго! Шарлотте можно выходить замуж в шестнадцать лет, а мне почему нельзя?

– Принцесса Шарлотта на два года старше вас.

– Два года! Что такое два года? – Каролина сузила глаза и метнула на гувернантку гневный взгляд. – Смеею заверить вас, мадам баронесса: от недостатка опытности я не страдаю!

Баронесса так и задохнулась от ужаса, чем очень насмешила Каролину. «Она нарочно дразнит меня, – подумала баронесса. – Разумеется, она – невинная девочка. Или все же?.. Ну и семейка! Они все такие... странные. Иногда мне кажется... И если вспомнить, какие у нее братья...»

Каролина внимательно наблюдала за выражением лица гувернантки; она догадывалась, о чем думает баронесса. Отбросив со лба прядь белокурых волос, принцесса подняла светлые брови. Она была хорошенькой девушкой с вполне сформировавшейся фигурой.

Каролина слишком избалована, думала баронесса. Как и все дети герцога.

– Умоляю вас, – сказала она вслух, – не рассуждайте столь вольно.

– Но я ведь и буду вольной птичкой. Я не позволю заточить себя в клетку... словно узницу! Я всегда буду свободна. Буду делать только то, что хочу, а когда через два года выйду замуж – раз сестрица Шарлотта выходит замуж в шестнадцать лет, то и я не отстану, – то постараюсь довести свои взгляды до сведения мужа.

– Ваши рассуждения совершенно неприличны!

– Но я говорю серьезно. Что тут плохого?

– Вы навлечете на себя беду. Вам стоит больше молиться.

Каролина скорчила гримаску.

– Полно вам, баронесса! У всякого есть право на собственное мнение. Вы должны согласиться со мною. Я никогда не стану ничьей игрушкой. Если бы я позволила себе слепо принимать на веру все, что мне говорят, то была бы похожей на поле, на котором не взойдет ни единой травинки. Неужели вы всегда делали только то, чего от вас ожидали? Неужели вы сами всю жизнь были образцом добродетели?

– Разумеется, нет. Боюсь, я много грешила.

– Почему?

– Вероятно, потому, ваше высочество, что дьявол склонял меня к греху.

– Но почему вы позволяли склонять себя к греху?

– Наверное, потому, что была не в состоянии преодолеть дурные свойства своей натуры.

Принцесса громко расхохоталась.

– Значит, мадам, вы подобны глине, из которой можно вылепить все, что угодно. Собственно, все люди подобны глине, поэтому я не считаю вас навеки закосневшей в грехе.

– Вы не должны полагать, будто наше стремление к добру либо ко злу не зависит от нас самих.

– Но ведь вы только что сами сказали, баронесса, что никак не можете преодолеть дурные свойства своей натуры. И вы правы. Мы все грешны... очень грешны. Но такими мы были созданы. – Принцесса лукаво улыбнулась. – Вот видите, баронесса, бесполезно бранить меня то за одно, то за другое – я просто не в силах справиться с собою! Тут уж ничего не поделаешь. Я просто создана такой.

– Вы слишком много говорите.

– Конечно, – согласилась Каролина. – Я все делаю слишком много. Но вы не станете отрицать, баронесса, что слишком много все же лучше, чем недостаточно?

– Вы решительно настроились спорить.

– А чем еще заняться? И потом, в споре оттачивается ум. Кстати, вспомните, с чего начался наш спор. Ведь я просто сказала, что скоро настанет и мой черед занять мужа.

– Мы не можем быть уверены...

– Да-да, сейчас вы скажете: в этой жизни ни в чем нельзя быть уверенным. И все же в одном я не сомневаюсь. Шарлотте замужество пойдет на пользу, потому что такой девушке, как она, муж просто необходим... и чем раньше, тем лучше.

– Ваше высочество!

Принцесса широко открыла глаза, а потом громко расхохоталась. Взрывы ее необузданного веселья всегда тревожили баронессу. Подумав, Каролина добавила:

– И мне тоже нужен муж.

– Надеюсь... – начала баронесса.

– Надеяться никогда не вредно, – перебила ее принцесса. – Иногда надежды даже сбываются. – Она с треском захлопнула книгу, которую они читали. – А теперь мне пора идти примерять платье. Ведь надо подготовиться к свадьбе! Нельзя допустить, чтобы сестра невесты, которая вскоре, возможно, сама станет невестой, выглядела не наилучшим образом! Кто знает – может, на свадьбе сестры объявится претендент и на мою руку!

Она убежала. Баронесса смотрела ей вслед, спрашивая себя, не является ли поведение принцессы более чем странным. Возможно, она просто разволновалась из-за того, что сестра выходит замуж. Думая о ней, не перестаешь удивляться.

Подойдя к окну на верхнем этаже дворца, отец Каролины, герцог Карл Вильгельм Фердинанд, увидел, как его дочь, пробегая по двору, столкнулась лицом к лицу с молодым агличанином, который учился в Германии и некоторое время жил при Брауншвейг-Вольфенбютельском дворе.

Молодой человек остановился, низко поклонился и посмотрел на Каролину восхищенным взглядом. Она просто прелестна, с нежностью подумал герцог. Каролина – само очарование; она так полна жизни, так естественна, на ее длинные белокурые локоны так приятно смотреть. За последние несколько месяцев она повзрослела; можно подумать, что там, внизу, стоит взрослая женщина. После того как мы благополучно пристроим Шарлотту, настанет черед Каролины.

Еще рано, подумал герцог. Нужно удерживать Каролину при себе, пока возможно. Он не скрывал от своей любовницы, мадам де Херцфельдт, что Каролина – его любимое дитя.

Каролина явно флиртовала с молодым Джоном Томасом Стэнли, но знай она, что отец наблюдает за ней, то, несомненно, испугалась бы. Ведь отец – единственный человек, который внушает ей благоговейный ужас. Иногда герцог жалел, что вынуждает вселять страх в собственных детей, но с такими детьми, как у него, вести себя иначе просто невозможно.

В комнату вошла мадам де Херцфельдт. Герцог нахмурился и отвернулся от окна.

Подойдя, она взяла его под руку.

– Ты чем-то озабочен. – Мадам де Херцфельдт выглянула в окно и посмотрела на Каролину с молодым англичанином. – Да, – кивнула она. – Скоро настанет и ее черед; возможно, нам не стоит слишком медлить.

Ее лицо до сих пор казалось герцогу самым красивым из всех, какие он видел в жизни, – много лет назад он влюбился в нее с первого взгляда. Герцог снова подумал: насколько по-другому могла сложиться его жизнь, если бы он женился на ней.

– Шарлотта пристроена удачно, – напомнила мадам де Херцфельдт, увлекая герцога прочь от окна.

– Хорошая партия, – согласился он. – Как по-твоему, она... угомонится?

– Выйдя замуж – скорее всего, да. – Мадам не заикнулась о том, какое облегчение испытывают все они, когда бремя забот о Шарлотте ляжет на плечи ее мужа, но герцог знал ее точку зрения, потому что между ними не было секретов.

Высокая, статная, красивая и благородная, преданная ему и Брауншвейгу в целом, она во всем, кроме титула, была его королевой. Именно их общего сына желал бы он видеть своим наследником. Мальчик – отличный солдат, он красив, благороден во всем; уже делает блестящую карьеру, и при этом спокоен и безмятежен, как и его мать. Последняя черта особенно восхищала герцога – очевидно, из-за порчи, которой, как он считал, отмечены его законные дети.

– По-моему, – сказал он, – Каролине тоже захочется получить мужа, раз ее сестра вышла замуж.

– Каролина еще ребенок.

– Ты так считаешь? Ты же видела ее там, внизу...

На мгновение мадам де Херцфельдт задумалась, потом пожала плечами.

– Она рано созрела, как и ее сестра. Однако ближайшие несколько лет о приданом для нее можно не беспокоиться.

– Думаю, Каролине нелегко будет подыскать жениха. Ее братья... – Grimаса боли искажала лицо герцога, и мадам поспешила его утешить:

– С Фридрихом Вильгельмом и девочками все в порядке.

– О, милая моя, как мне больно! Мой старший сын почти идиот, второй совершенно слабоумен, а третий слепой. За что? За что я проклят? Если бы я женился на тебе...

– Все эти годы мы счастливы вместе.

– Что бы я без тебя делал?

– Зачем спрашивать, когда ты никогда не был обязан... и, насколько это зависит от меня, никогда не будешь...

Да, подумал герцог, любуясь ее красивым лицом, она искупает все – неудачный брак с англичанкой и даже плоды этого брака, доставляющие ему такое мучение. Они стали любовниками давно – еще до его женитьбы на Августе. Он отказался бросить ее, когда Августа приехала из Англии и обнаружила, что мадам де Херцфельдт занимает при его дворе положение официальной фаворитки. Мадам осталась при нем, невзирая на протесты жены, но повела себя так умно и тактично, что даже Августа впоследствии признала ее достоинства.

– Вот если бы наш сын... – начал он, но мадам не дала ему договорить.

– У тебя есть законные наследники, – напомнила она. – Не стоит отрицать очевидное!

– Счастливые семьи бывают лишь у простолюдинов, – посетовал герцог, – так как они могут выбирать себе супругов. Союзы между членами королевских семейств редко бывают удачными, потому что они не основаны на любви. Наша жизнь исполнена горечи – зачастую она пагубно отражается на детях, нездоровых духом и телом.

Мадам де Херцфельдт попыталась успокоить его.

– Кажется, Шарлотта счастлива, – заметила она.

– Любимая, я знаю, ты пытаешься меня утешить. Шарлотта возбуждена. Она такая же, как Каролина. Обе мои дочери жаждут постоянных источников возбуждения. Они словно одержимые... нет, нет, это пройдет. Молю Бога, чтобы Шарлотта была счастлива, когда возбуждение уляжется.

– Оно продлится еще некоторое время – может быть, рождение ребенка отрезвит ее.

– Вижу, ты, как всегда, настроена видеть во всем только хорошую сторону.

– По крайней мере, будем радоваться, пока это возможно. К тому же плохой стороны может и не быть.

Он сжал ее руку.

– Ты права, как всегда.

Она улыбнулась, но в глазах у нее мелькнула тревога. Когда он около двух лет назад унаследовал герцогство, жизнь его была далеко не так беззаботна. Его отец славился своей расточительностью, и Карлу досталась почти разоренная страна. Он был исполнен решимости привести ее к процветанию и ввел режим суровой экономии во всем, но ему приходилось нелегко, потому что его готовили к карьере полководца, но не учили управлять государством. Однако мадам де Херцфельдт стоила любого министра – герцог почти ничего не делал, не посоветовавшись с ней. Раз за разом он убеждался, что она дает ему мудрые советы. Именно мадам помогла подыскать жениха Шарлотте и устроит судьбу Каролины, когда настанет час. Это она предложила воспитывать принцесс в условиях религиозной свободы, чтобы они в должное время могли стать католичками или протестантками, в зависимости от того, к какой вере будут принадлежать их мужья. Таким образом, говорила она, будет куда легче подыскать им супругов. Сколько хороших браков не смогли состояться из-за того, что жених и невеста придерживались разной религии!

Какая из нее вышла бы герцогиня! А ему приходится довольствоваться Августой, которая неустанно напоминает всем и каждому в Брауншвейге, насколько лучше ведутся дела в Англии, где правит ее брат, король Георг III.

– Итак, – сказала мадам де Херцфельдт, – будем думать только о свадьбе, а будущими проблемами займемся по мере их возникновения.

Герцогиня беседовала с дочерью Шарлоттой, которой вскоре предстояло выйти замуж.

– Разумеется, мне бы хотелось, чтобы твоим женихом стал английский принц. Сыну моего брата, принцу Уэльскому, должно быть, уже исполнилось... погоди... лет двадцать. Да, по-моему, двадцать; определенно, ему уже пора жениться, но думаешь, ему позволят жениться на Брауншвейг-Вольфенбюттельской принцессе? Да ни в коем случае! От одного подобного предложения мою невестку хватит апоплексического удара. Как я ее ненавидела! Она, королева Шарлотта, стала одной из причин, почему мне так не терпелось покинуть Англию.

– Но, мамочка, – развязно возразила Шарлотта, – что толку роптать? Не нужен мне никакой принц Уэльский, когда у меня есть мой Фридрих Вильгельм. Для меня и Вюртемберг сойдет. Поскольку наша свадьба состоится со дня на день, если моя злобная старая тетка, королева Шарлотта, смягчится и пришлет мне твоего племянника, принца Уэльского, выйдет, мягко говоря, небольшая неловкость.

– Шарлотта, ты слишком дерзка, – кротко заметила ее мать.

– А чего ты ожидаешь, если меня даже называли в честь твоей злобной невестки?

– Шарлотта, не забывайся! Ты говоришь о королеве Англии!

– И ты, мамочка, только что говорила о ней, причем так же неуважительно. Ну, признайся!

О боже, подумала герцогиня. Она никогда не умела обуздать собственных деток. То же самое происходило с Каролиной. Девочки всегда поступают по-своему. «Но что я могу поделать?» – спросила она себя. – Ведь я здесь ровно ничего не значу. У нас всем заправляет мадам

де Херцфельдт. Она – доверенное лицо герцога и решает все дела, даже связанные с моими детьми! Ну и положение! Лучше бы я никогда не покидала Англию...»

Герцогиня вздрогнула. Странная у нее судьба – братец Георг хотел, чтобы она, как и другие его сестры, жили словно монашки в монастыре. Нет, лучше уж такая жизнь – даже с неверным мужем, которому она безразлична, и с детьми, с которыми не в состоянии совладать. Дети тревожили герцогиню. В обществе старших сыновей находиться невозможно. Они, казалось, служили ей постоянным укором. Но разве в том ее вина? За что ниспосланы ей три сына, которые никогда не смогут править? Младшенький, благодарение Господу, хороший, славный мальчик; отец любит его до безумия и постоянно боится, как бы с ним чего не случилось – с его единственным нормальным сыном. Он любит его так же нежно, как мадам де Херцфельдт, хотя и не совсем так. Никто не может сравниться для него с этой женщиной. А девочки? Они настолько своенравны, что им почти всегда удается одержать над нею верх. «Они слишком немки, – думала герцогиня, – а я слишком англичанка». Иногда она втайне признавалась себе в крамольных мыслях: хорошо, что воспитывать девочек ей помогает такая сильная женщина, как мадам де Херцфельдт. Да уж, эта женщина способна обуздать кого угодно.

– Мама, – заявила тем временем Шарлотта, – у меня есть неотложные дела. Ты должна позволить мне удалиться.

Герцогиня кивнула; качая головой, она опустилась на мягкий диван и тупо уставилась перед собой. Как ей не нравится эта комната! Какой примитивной показалась ей обстановка после апартаментов в Сент-Джеймском дворце, Хэмптон-Корт и Кенсингтонском дворце! Но постепенно она привыкла. На самом деле ей несколько не жаль, что она приехала в Брауншвейг. В конце концов, женщины должны выходить замуж – и потом, ей еще повезло, ведь ее женихом мог стать какой-нибудь старик или урод. Каким красивым показался ей Карл, когда прибыл в Англию, чтобы жениться на ней! Не очень похож на того прекрасного принца, о котором она грезил в своих девичьих мечтах, но народу он нравился. Она вспомнила, как бурно их приветствовали в Опере, в то время как появление Георга и Шарлотты было встречено молчанием. Какой триумф! Они получили хороший урок. И вина за все лежит на ревнивой Шарлотте. Георг никогда не отличался сообразительностью. В то время он всецело находился под влиянием матушки и послушно выполнял все распоряжения матери и лорда Бьюта.

Тогда их возмутили слишком вольные высказывания Карла об английской политике; поэтому новобрачных поместили не в одном из королевских дворцов, а в Сомерсет-Хаус. Они совершенно недвусмысленно выказали жениху свое неодобрение, ведь в Сомерсет-Хаус он был оставлен без охраны, положенной членам королевской фамилии. Она, Августа, также попала в немилость за попытку вмешиваться в государственные дела. И ведь она действительно вмешивалась! Подумать только – она поспособствовала разрыву брата с Сарой Леннокс, в результате чего он женился на Шарлотте. Шаг не слишком удачный – хотя Сара Леннокс была просто дурочкой; если бы она вышла замуж за Георга, принцесса Августа вряд ли подружилась бы с нею.

Все давно в прошлом, но в такие моменты, как сейчас, когда в семье празднуют очередную свадьбу, невольно вспоминаешь все, что было прежде. Приехав в Брауншвейг, она ужаснулась, увидев, насколько жалок дворец. Еще больший ужас она испытала, когда Карл дал ей понять, что не собирается бросать любовницу ради молодой жены и что последняя не играет значительной роли в его жизни. Он, конечно, постарается даровать ей детей, но та, другая, останется для него главной.

Ну и положение для гордой принцессы – к тому же английской принцессы! Но она уступила, выполнила свой долг и родила сыновей, двое из которых умственно неполноценны, а один слеп. Затем родились дочери и еще один мальчик. Последние трое детей по сравнению со старшими братьями казались великолепными.

«По крайней мере, у меня есть дети, хоть я и не властна над ними, – раздраженно подумала она. – Они не обращают внимания на мои слова, и все потому, что прекрасно понимают, кто на самом деле правит вместе с герцогом». Можно было надеяться, что за долгие годы мадам ему надоест. Однако неизвестно, что лучше. Кто знает, какая надменная выскочка могла бы занять ее место? Увы, герцог слишком чувственен и не хранит верность даже своей мадам де Херцфельдт, но, разумеется, ни к одной из других фавориток он не испытывал серьезного чувства, да и длились его романы недолго, а несколько раз герцогиня даже рассказывала о них своей сопернице, желая ускорить развязку. В конце концов она смирилась с мадам де Херцфельдт, во всех отношениях достойной женщиной, которая помимо того, что блестяще управлялась с делами, всегда выказывала герцогине должное почтение.

Итак, остается примириться со своей участью; Августа понимала, что была бы куда менее счастлива в Англии, где ей пришлось бы владеть жалкое существование старой девы. Она осознала это еще в феврале 1772 года, когда ездила на родину к умирающей матери. Если бы не желание матери перед смертью повидать старшую дочь и не обычай соблюдать волю умирающей, Георг и Шарлотта не позволили бы ей приехать. Но, поскольку предотвратить ее приезд было невозможно, ей отвели маленький домик на Пэлл-Мэлл, вместо того чтобы разместить ее в одном из королевских дворцов.

Августа вспомнила, как тогда ее душил гнев; она едва не вернулась в Брауншвейг, не дождавшись похорон.

Кажется, все словно сговорились презирать и не замечать ее. Но почему? Она – принцесса королевской крови, на родине, в Англии, всегда славилась сильным характером.

Карл ее изменил. С того момента, как она осознала, что он намерен повелевать, а она не в силах помешать ему, Августа кротко заняла указанное ей место. Она родила ему детей – то, что трое мальчиков оказались ненормальными, возможно, лишь усилило ее кротость; она смирилась с мадам де Херцфельдт и даже позволила своим детям питать к своей сопернице некоторое уважение.

Герцогиня вздохнула. Совсем скоро Шарлотта покинет отчий дом и начнет новую жизнь с мужем.

– Надеюсь, – сказала герцогиня вслух, – ей повезет больше, чем мне.

В свадебном наряде Шарлотта выглядела ослепительно – впрочем, она всегда была очень хорошенькой.

– Когда она уедет, – заявила Каролина баронессе, – самой красивой принцессой у нас, в Брауншвейге, буду я. Ведь я останусь единственной принцессой!

– Вы забываете голову такими пустяками, – упрекнула ее гувернантка.

Каролина возразила: напротив, ее красота – вопрос первостепенной важности. Разве баронесса забыла, что скоро и ей – причем тот день не за горами – нужно будет понравиться мужу?

Баронесса вздохнула и напомнила Каролине, какой серьезной та была в детстве. Когда ее спросили, в какой местности водятся львы, она решительно отвечала: «В сердце любого брауншвейгца!»

– Я уже много раз слышала эту сказочку, – ответила Каролина, зевая. – Должно быть, я была жутким маленьким созданием... даже хуже, чем сейчас.

– Ответ был хорош, – возразила баронесса, – и, уверяю вас, вы никогда его не забудете.

– У истории есть продолжение, – отозвалась Каролина. – Вы забыли, как я удрала от вас на карусели и все кружилась и кружилась на лошадках. Вы испугались за меня и решили меня наказать, но я напомнила вам, что страх – чувство, неведомое подлинному брауншвейгцу, поэтому как же могли вы ожидать от меня, брауншвейгской принцессы, понимания того, что из-за меня вы беспокоитесь.

– Вы всегда...

– Да-да, я всегда слишком много болтаю. Вы уже говорили мне об этом. А я повторю еще раз: когда Шарлотта уедет, я буду самой красивой принцессой в Брауншвейге!

Но никогда, думала она, наблюдая за сестрой на свадебной церемонии, не стать ей такой красавицей, как Шарлотта!

Она посмотрела на отца; герцог с высоко поднятой головой стоял рядом с невестой, готовый передать ее жениху-принцу. Милый папа, он самый великий человек на свете. Ни одной из нас не суждено найти мужа, который может с ним сравниться.

Каролине начало казаться, будто она сама стоит перед алтарем в роскошном свадебном платье; глаза всех присутствующих устремлены на нее, а рядом с нею стоит жених...

После церемонии венчания, на свадебном ужине в парадной зале, новобрачных посадили на почетное место, и Каролина продолжала наблюдать за ними. Шарлотта была неестественно, почти истерически, весела. «Я точно знаю, что именно она сейчас чувствует, – подумала Каролина. – Ведь я бы на ее месте чувствовала бы то же самое».

Как ей будет недоставать Шарлотты! Повернувшись к брату, Фридриху Вильгельму, она сказала:

– Нас с тобой теперь осталось только двое – остальных можно не считать.

Фридриха шокировали ее слова, но она смеялась над братом. Глупо притворяться. Все знают, что их братья, вследствие тяжелого недуга, отделены от остальных членов семьи.

Она поймала взгляд Джона Стэнли, юного англичанина. Тот не скрывал своего восхищения ею. Надо воспользоваться первым же удобным случаем и заговорить с ним.

Когда начались танцы, Каролина с улыбкой подошла к нему. Его глаза загорелись от восторга.

– Разумеется, – сказала она, – мне недопустимо разговаривать с вами так запросто.

– Д... да, ваше высочество.

– Но кого заботят правила и этикет? Вам есть до них дело?

– Нет, если вы так пожелаете.

– Давайте присоединимся к танцующим. Так мы будем меньше на виду. И тогда я смогу побеседовать с вами. Вы узнаете, что я – настоящая болтушка. Ведь вы приехали из Англии? Как вам известно, герцогиня – англичанка. Она не в силах об этом забыть и не позволяет это нам. Вижу, вы шокированы. Как мило! По-вашему, я способна шокировать? Ну, конечно, вы так считаете, потому так оно и есть. Я на редкость безрассудная.

– Ваше высочество, по-моему, вы...

– Продолжайте. Почему вы замолчали? Не люблю нерешительных!

– По-моему, вы очень красивы.

– По-вашему, у меня привлекательная внешность, но я держусь развязно и нескромно – как не подобает принцессе?

– По-моему, с ваших губ могут слетать только сладкие слова.

– Какой милый комплимент! Джон Томас Стэнли, у меня сильное подозрение, что вы влюбились в меня. Нет, не отрицайте! Все правильно, все как надо; раз у моей сестры есть возлюбленный, почему бы и мне не завести?

Джона Стэнли переполняли страх и удовольствие. Принцесса Каролина – не только самая красивая девушка, какую он когда-либо встречал, но и самая необыкновенная.

Выходка Каролины не ускользнула от глаз родственников.

«Ну что поделаться с девчонкой?» – вздохнула про себя ее мать. Каролина дикарка... как и остальные ее дети. Можно только молиться, чтобы она не оказалась слишком уж необузданной.

Герцог решил попозже непременно сделать дочери выговор, но, с другой стороны, девочке будет недоставать Шарлотты, так пусть она немного позабавится в день свадьбы старшей сестры.

Мадам де Херцфельдт спрашивала себя, не слишком ли Каролина похожа на своих братьев. И как вести себя с такой дикаркой? На опекунах принцессы лежит огромная ответственность. Нужно улучшить минутку, когда герцог освободится от государственных дел, и поговорить с ним о его младшей дочери.

А Каролина открыто флиртовала с Джоном Томасом Стэнли, и, когда новобрачные собрались уезжать, молодому человеку лишь с трудом удалось привлечь внимание Каролины к старшей сестре.

– Знаете, из-за чего я больше всего завидую Шарлотте? – спросила Каролина у многострадальной баронессы де Бодэ. – Из-за ее будущих детей. Ах, баронесса, как ужасно мне хочется иметь ребенка!

Баронесса скрестила руки на груди и уставилась в потолок.

– Ну, баронесса, а теперь что не так?

– Это очень нескромная тема.

– Чушь! Как бы продолжался род человеческий без детей?

– Молодой девушке нескромно говорить о...

– Говорить о своем вкладе в продолжение рода? Разумеется, мои дети станут ценным достоянием для всего человечества. Согласитесь со мной, баронесса!

– Ваше высочество, даже не знаю, что с вами станется. Мне страшно подумать!

– Тогда вам следует думать чаще, мадам. Чем больше вы будете практиковаться, тем легче вам будет даваться мыслительный процесс. Возможно, тогда вы излечитесь от боязни. Ребенок... малыш! Какое чудо! Когда же у меня будет муж? Как скучно – чтобы занять ребенка, прежде надобно выйти замуж... А знаете, баронесса, мне кажется, я бы предпочла первое последнему.

Баронесса зажала уши руками.

– Прошу вас, уберите руки! – вскричала Каролина. – Обещаю, что я больше не буду подвергать ваши уши опасности. Я придумала кое-что получше – навещу-ка я своих деток.

Каролина опрометью выбежала из комнаты, а баронесса бормотала себе под нос:

– Может, поговорить с герцогиней? А что толку? Лучше уж с мадам де Херцфельдт. Чего ожидать при дворе, где жена занимает второе место после любовницы?

Каролина выбежала из дворца. Ей, конечно, следовало взять с собой фрейлину, однако она даже не вспомнила о приличиях. Прежде всего она навестит новорожденного – мальчика трех недель от роду. Он родился слабеньким, но постепенно поправляется. Принцесса заранее приказала поварам послать роженице еду, ибо, чтобы ребенок рос крепким, его матери необходимо хорошо питаться.

Малыш лежал в колыбельке. Каролина взяла его на руки.

– По-моему, он меня узнает. Смотрите, он улыбается!

Она сидела в старом деревянном кресле-качалке, держала на руках младенца и была совершенно счастлива. Как ее обожают поселяне! Они зовут ее «добрая принцесса Каролина». «Добрая? Но ведь я делаю то, что хочу! Как легко, оказывается, быть доброй».

Каролина сказала матери ребенка, что кушанья из дворца привезут на следующий день, а она позаботится о том, чтобы для малыша прислали хорошую одежду.

Потом принцесса отправилась навестить следующего протеже. Когда она верхом проезжала по городским улицам, люди приветствовали ее радостными возгласами. Все знали о ее любви к детям – дома, где были малыши, процветали. Любой матери, терпящей лишения, стоило только попросить о помощи принцессу Каролину, и она немедленно получала все необходимое. Брауншвейгцам, конечно, и раньше кое-что доставалось от членов царствующей фамилии – на Рождество слуги раздавали подарки. Однако поступки принцессы диктовались неподдельным чувством. Стоит посмотреть, говорили многие, как принцесса Каролина входит в скромную лачугу и сажает себе на колени малыша.

И всякий раз при этом она думала: «О, если бы только у меня был собственный ребенок!»

Каролине нельзя идти на бал

Как летит время! Прошел год, прошел второй. От Шарлотты вестей почти не было – стало лишь известно, что она родила. Счастливая Шарлотта!

– Когда мне найдут жениха? – приставала Каролина не только к баронессе де Боде, но и к старшей своей гувернантке, баронессе фон Мюнстер.

– Когда придет время, ваши родители ответят на ваш вопрос, – отвечала баронесса фон Мюнстер.

– Ах, как бы мне хотелось, чтобы это время пришло поскорее! – вздыхала Каролина и прикусывала язычок. Она не осмеливалась изводить пожилую баронессу так, как изводила она бедную мадам де Боде.

В разговорах с последней Каролина была откровеннее: если родители в скором времени не раздобудут ей мужа, заявляла она, ей придется искать его самой.

Джона Томаса Стэнли больше не было при дворе. В любом случае он не сильно занимал ее мысли. Каролина начала осматриваться вокруг. Из кого выбирать? Есть молодой граф Вальмоден, в чьих жилах течет королевская кровь, потому что его бабкой была знаменитая любовница Георга II Английского. Имеется еще один потомок Георга II, граф фон Шулемберг, о котором было известно, что он весьма богат, так как унаследовал часть огромного состояния, накопленного Эрменгардой фон Шулемберг, герцогиней Кендал, за то время, пока она была фавориткой короля.

Можно ли считать этих молодых людей подходящей партией для нее? Конечно нет. До чего досадно быть принцессой и быть вынужденной ждать, пока ей не выберут мужа! Будь она простой смертной – разумеется, не крестьянкой, а, скажем, баронессой, вроде мадам де Боде, – она бы могла пойти на следующей неделе на бал и, может быть, познакомиться там с кем-нибудь, влюбиться, выйти замуж и родить детей. Какое блаженство!

Баронесса де Боде твердо решила поговорить с кем-нибудь о принцессе Каролине; «с кем-нибудь», конечно, означало с мадам де Херцфельдт. Герцогиня слишком рассеянна; более того, она англичанка и редко ладит с гувернантками своих детей, так как постоянно твердит, что детей следует воспитывать на английский лад. Какая чепуха! Как можно воспитывать принцессу на английский лад без учителей-англичан? И какая выйдет польза из такого воспитания, раз она немка? Кстати, спрашивала себя баронесса, что, собственно, значит английская система воспитания? Если ее примером является сама герцогиня, тогда, ради блага самой Каролины, ее следует воспитывать как немку!

Ну и двор! Вместо матери воспитанницы извольте говорить с любовницей ее отца! Однако ничего тут не поделаешь, и какое бы возмущение ни испытывала добродетельная пуританка баронесса де Боде, обдумывая сложившееся положение, в присутствии мадам де Херцфельдт она могла лишь высказывать уважение этой женщине.

Баронессе немедленно была дарована аудиенция, ибо мадам де Херцфельдт считала воспитание дочерей герцога вопросом первостепенной важности.

– Мадам, меня беспокоит принцесса Каролина, – начала баронесса.

Мадам де Херцфельдт вздохнула. Разве всех их не беспокоили царственные отпрыски?

– Она постоянно толкует о браке... о мужчинах и детях.

– Это происходит со времени свадьбы принцессы Шарлотты?

– Да, мадам.

– Принцесса вступает в тот возраст, в каком вышла замуж ее сестра.

– Это правда, мадам, и я немного боюсь за нее. Иногда я задаюсь вопросом, не стоит ли несколько ограничить ее свободу.

Мадам де Херцфельдт задумалась. Здесь необходимо действовать с оглядкой.

– Благодарю вас, баронесса, – сказала она. – Дело весьма важное. Я поговорю с герцогиней.

Баронесса удалилась. Она понимала, что блистательная мадам де Херцфельдт поговорит с герцогом и они вместе решат, что делать, затем они доведут до сведения герцогини, какие приказы той следует отдать гувернантке принцессы.

Мадам де Херцфельдт – в высшей степени умная женщина, признавала баронесса, иначе разве смогла бы она столько лет царствовать при Брауншвейгском дворце?

– Как это – я не пойду на бал? – Глаза Каролины метали молнии. – Почему, скажите на милость?

– Потому что, – отвечала баронесса, – решено, что вы туда не пойдете. Вы еще слишком молоды для того, чтобы ходить на балы.

– Кто – я? Слишком молода?! Да я посещала балы еще до свадьбы Шарлотты! Разве я с тех пор впала в детство, мадам, что меня ни с того ни с сего считают слишком молодой?

Баронесса ответила, что нет смысла в дальнейших спорах, поскольку она получила определенные приказы и должна им повиноваться.

– Значит, таково решение моей матушки?

– Так было решено, – сказала баронесса.

– Прекратите вещать, как глупый старый оракул! Говорю вам, я все равно пойду на бал! Пойду! Пойду!

Когда Каролина начинала так кричать, она поистине внушала страх: глаза ее темнели, а лицо багровело.

Баронессе ничего не оставалось, как только покинуть свою воспитанницу.

Каролина лежала на кровати и от ярости грызла костяшки пальцев.

– Я непременно пойду на бал, – шептала она. – Сегодня, может быть, самый важный вечер в моей жизни! Может, сегодня я встречу своего суженого. Я пойду на бал! Как они могут мне помешать? Взять Шарлотту... она вышла замуж в шестнадцать лет. А мне уже почти шестнадцать – и мне не разрешают пойти на бал! Не выйдет!

Но что она может сделать? Осознание тщетности своих надежд привело Каролину в еще большую ярость. «У меня нет бального платья? Ерунда! Чушь! Надену какое-нибудь старое. Мне все равно... Наряжусь хоть Афродитой! Кем угодно...»

Каролина невольно хихикнула, представив, как появится на балу в костюме Афродиты. Она потребует, чтобы о ней доложили: «Дамы и господа, принцесса Каролина не может присутствовать на балу вследствие тирании собственных родителей; вместо нее из пены морской на бал явилась Афродита...»

И вот она появится в бальной зале... блистая наготой. Ну и лицо будет у матушки!

«Дорогая моя, как будут шокированы при английском дворе, если узнают об этом!»

Но почему? Кузен Георг, принц Уэльский, тоже славится своими выходками. Ему тоже претят ограничения. Сколько неприятностей причиняют родители! Как они портят жизнь своим детям!

Нет, явиться на бал нагишом – слишком даже для нее. Но что-нибудь она обязательно придумает. Она всегда отличалась изобретательностью и непременно найдет способ наказать родителей за то, что не пустили ее на бал.

Из своего окна Каролина наблюдала за подъезжающими каретами. Горожане выстроились вдоль улиц, чтобы поглазеть на гостей, разодетых вовсю и сверкающих ослепительными драгоценностями. Один из самых изысканных балов, который дается в герцогском дворце, а принцессы Каролины на нем нет!

Что делают сейчас отец и мать? Стоят на парадной лестнице и встречают гостей. Дамы приседают в реверансах, кавалеры низко кланяются. Но главная на балу – мадам де Херцфельдт. Все понимают, что именно она – подлинная хозяйка бала, и, если кто хочет добиться

для себя каких-то привилегий, ему следует обращаться именно к любовнице герцога, а не к его жене.

Она, Каролина, должна была сейчас стоять рядом с родителями, принимая поклоны и реверансы – дань почтения дочери правителя.

Никого из детей на балу нет. Она и Фридрих Вильгельм – единственные, кто мог бы там появиться, а Фридрих Вильгельм, разумеется, еще слишком молод.

– Но мне-то шестнадцать! – воскликнула Каролина. – Не пускать меня на бал жестоко и несправедливо. Ну, они еще пожалеют!

Она расхохоталась, вспомнив, что пришло ей в голову утром. Новый план куда более действен, чем мысль явиться на бал в костюме Афродиты, – он причинит родителям куда больше беспокойства. И послужит им хорошим уроком!

Сейчас отец, должно быть, открывает бал. Момент самый подходящий. Каролина разделась, разбросав одежду по комнате, затем достала из буфета горшочек с пастой и намазала лицо. Посмотрев на себя в зеркало, она захихикала. Вид у нее жуткий. Она похожа на привидение! Каролина закатила глаза, словно мучаясь от страшной боли. Чудесно! Всякий скажет, что она находится при последнем издыхании.

Каролина бросилась в кровать и застонала.

В спальню вбежали две ее служанки.

– Кажется... ох, умираю! – простонала она. – Прошу вас... скорее. Позовите герцога и герцогиню!

Служанки в ужасе смотрели, как принцесса откинулась на подушки, издавая горлом странные клокочущие звуки. Потом обе пулей выбежали прочь.

Каролина представила себе, что сейчас происходит внизу, в бальной зале: внезапно появляются перепуганные служанки, презревшие все правила этикета ввиду ужасной новости, которую им необходимо сообщить.

– Боже мой! – воскликнула герцогиня. Вид у нее был такой, словно она вот-вот упадет в обморок.

Однако герцог мгновенно оказался рядом с супругой.

– Мы немедленно идем к ней. – Он посмотрел на мадам де Херцфельдт, на которую всегда можно было положиться в трудную минуту.

Торопливо выходя из бальной залы, герцог слышал, как мадам де Херцфельдт объявляет гостям: принцесса Каролина нездорова, и это является причиной временного отсутствия герцогской четы.

Вся зала загудела, как огромный улей. Принцесса Каролина внезапно заболела! Что за несчастная семья! Какая несчастная семья! Достаточно вспомнить трех старших принцев...

Тем временем в спальне Каролины ее родители испуганно смотрели на мертвенно-бледные черты дочери, искаженные мучительной гримасой.

– Дитя мое! – вскричала герцогиня. – Где у тебя болит? Пожалуйста, скажи нам... если можешь.

Каролина с трудом сдерживала смех.

– Больше... я не могу скрывать... – прошептала она. – У меня... схватки! Пожалуйста, пошлите за акушером!

– Боже мой! – снова воскликнула герцогиня.

Герцог побледнел.

– Это невозможно...

– Да, да! – кричала Каролина. – Я так боюсь! Скоро я произведу на свет дитя... и, если вы немедленно не пошлете за акушером, я умру... и ребенок тоже умрет!

Герцог повернулся к жене:

– Ради бога, пошлите за акушером!

Каролина продолжала стонать.

– Как больно! Сейчас начнутся схватки. Скорее!

Герцогиня обернулась, однако приказывать ей не пришлось. Служанки, столпившиеся в дверях, немедленно ринулись за акушером.

Невозможно было сохранить такую новость в секрете. Вскоре уже все гости знали, что послали за акушером, потому что у принцессы Каролины родовые схватки.

Какой скандал! До чего несчастлив герцог в своих детях! Два сына-идиота... один слепой... а теперь вдобавок принцесса Каролина собирается подарить родителям незаконнорожденного внука. Если бы она еще проделала все втихомолку... что ж, происшествия такого рода не редкость, но во время бала, чтобы об этом стало известно всем гостям! Какая пикантная новость! Разумеется, гости только и говорили о принцессе. Да уж, этот бал запомнится всем надолго.

Мадам де Херцфельдт слышала разговоры, но что могла она поделать? У нее не было возможности помешать их распространению. Если бы она могла предотвратить расположение слухов, она непременно так бы и поступила, но сейчас уже слишком поздно.

Невозможно продолжать бал в то время, как наверху, в своих апартаментах, рождает принцесса, причем об этом знает весь двор.

Мадам де Херцфельдт приказала прекратить музыку.

– Бал не может продолжаться из-за нездоровья принцессы Каролины, – объявила она.

После того как все гости отбыли восвояси, мадам де Херцфельдт сразу же поднялась в спальню принцессы.

Глазам ее предстала необычайная сцена.

Акушер уже прибыл, но, как только он приготовился осмотреть Каролину, та выскочила из постели, стерла с лица пасту, под которой обнаружился естественный румянец, и начала скакать и прыгать по комнате.

Потом она подошла к матери и отвесила ей низкий поклон.

– Теперь, мадам, – заявила она, – вы будете знать, как не пускать меня на бал!

Что делать с гадкой девчонкой?

Наказать? Но как?

Отец Каролины долго обсуждал дело с мадам де Херцфельдт.

– Может, выпороть ее? – предложил он.

Но мадам де Херцфельдт была против. Телесные наказания подчас опасны для людей с неустойчивой психикой.

Однако она понимала, что необходимо успокоить герцога.

– Каролина слишком возбуждена, – сказала она. – Мне кажется, мы должны попытаться ее понять...

– Ты хочешь сказать, – угрюмо отозвался герцог, – что нам необходимо помнить о ее братьях...

– Я уверена, – продолжала мадам де Херцфельдт, – что Каролина в глубине души добрая девочка. У нее блестящий и острый ум. Просто она легковозбудима и немного... эксцентрична, но не более того. Ах, любовь моя, мы постараемся сделать так, чтобы ее состояние не вышло за рамки!

Герцог с благодарностью посмотрел на свою любовницу.

– Решать предоставляю тебе, – заявил он. – Может быть, ты придумаешь, как с ней лучше поступить, и подашь герцогине нужный совет.

И он в который раз подумал: «Что бы мы без нее делали?»

* * *

Каролина ликовала – еще долгие месяцы после достопамятного бала она с удовольствием вспоминала все подробности. Она забыла самое главное: все гости узнали о том, что в вечер бала во дворец приезжал акушер, дабы принять у нее роды!

– Конечно, – шушукались брауншвейгцы, – правды нам не сказали. Акушер принял младенца, а потом незаметно вынес его из дворца.

Нашлись люди, которые считали, что никакого младенца не было, а Каролина разыграла родителей в знак протеста. Многие были уверены в том, что печать безумия, семейное проклятие не избежало принцессы.

Герцогство наполнилось слухами. Каролина, принцесса Брауншвейгская, либо мать незаконнорожденного младенца, либо сумасшедшая!

Каролина влюблена

Принцессе Каролине минуло двадцать лет, а она все еще была не замужем. У нее была возможность остановить свой выбор и на принце Оранском, и на принце Прусском. Однако Каролина, которой очень хотелось замуж, тем не менее отказала обоим претендентам, потому что решила, что выйдет замуж только по любви.

О сестре Шарлотте поступали странные и таинственные сведения. В Брауншвейге ни один человек не знал достоверно, что произошло с Шарлоттой, но живое воображение рисовало Каролине всякие ужасы.

Где Шарлотта? В России, при дворе императрицы Екатерины, где муж бросил ее и отобрал троих детей. «Быть лишенной детей! – думала Каролина. – Какая ужасная трагедия!» Но почему Шарлотта это позволила? Ответ напрашивался сам собой: потому что она была бесстрашна что-либо изменить.

Говорили, что Шарлотта изменяла мужу. Такое возможно. Муж поручил ее заботам Екатерины, русской императрицы, чьи любовные похождения были известны всей Европе. И Шарлотта просто исчезла.

Как Каролине хотелось поехать в Россию, узнать, что случилось с сестрой, путешествовать, переживать приключения! Однако судьба Шарлотты наводила на размышления. Оказывается, опасно, выйдя замуж, уезжать на чужбину, опасно жить вдали от дома.

Так она заявила отцу, когда они вдвоем гуляли в дворцовом парке. По мере того как Каролина взрослела, крепла взаимная привязанность отца и дочери. Отец оставался единственным членом семьи, которому она осмеливалась поверять свои сокровенные мысли. Мать Каролины считалась глупой женщиной, а мадам де Херцфельдт отдавала должное, но чувствовала неловкость в ее присутствии, всегда помня о главенствующем положении той при отцовском дворе, хотя ни принцесса, ни ее отец не представляли себе, как будут без нее обходиться. Если бы мадам де Херцфельдт была герцогиней и ее матерью, тогда она могла бы доверять обоим родителям! Более того, имея такую мать, разве не была бы она более спокойной – такой, какую называют «уравновешенной натурой»? Кто знает? Оставался отец, когда он не уезжал в поход сражаться под знаменами Фридриха Великого, своего друга и покровителя, или не был занят государственными делами дома, у него всегда находилось время для дочери. Младший сын, который, единственный из всех сыновей, мог унаследовать титул, проходил военную подготовку, и теперь, после отъезда Шарлотты, Каролина оставалась своего рода единственным ребенком.

Герцог часто с грустью размышлял о судьбе старших сыновей, живущих во мраке; о Шарлотте, которую, как он был уверен, убили в России, спрашивая себя, почему он и его пустышка-жена произвели на свет такое потомство. Затем он обращался мыслями к веселой, ласковой и хорошенькой Каролине – ибо, на его взгляд, она обладала всеми данными качествами – и говорил себе: по крайней мере, у него остается дочь! После выходки с акушером она стала поспокойнее. Отец разъяснил Каролине всю глупость и неуместность подобных поступков и то, как они его огорчают. Герцог вздохнул с облегчением, заметив, что объяснение подействовало на дочь.

Тогда она застенчиво вложила свою ручку в его руку – ибо, несмотря на всю свою бравату, побаивалась отца – и сказала:

– Папа, я не хотела вас огорчать!

Когда позже он описал эту сцену мадам де Херцфельдт, та обрадовалась и уверила его, что Каролину можно обуздать только любовью; именно отцу следует наставлять ее на путь истинный, потому что девочка, несомненно, любит отца, восхищается им и, что, возможно, самое главное, уважает его.

Поэтому, когда отец сообщил Каролине, что принц Оранский просит ее руки, она молча удалилась к себе, вспомнила все, что слышала о принце Оранском, и решила ему отказать. Вернувшись к отцу, она объяснила ему свои чувства:

– Я хочу выйти замуж, но не хочу быть несчастной, как моя бедная сестра. В браке нас подстерегает множество бедствий, и я хочу соблюдать в этом вопросе предельную осторожность.

– Вынужден признать, у тебя мудрое отношение к браку, – ответил ей отец.

– Милый папочка, – продолжала Каролина, – жениху надобно быть очень красивым, чтобы я захотела уехать от вас.

Да, ему удалось любовью обуздать ее порывы. Когда-то он видел страшный сон, в котором Каролину выдавали замуж насильно. Какие несчастья предвещал тот кошмар? Герцог не осмеливался гадать, ибо верил, что его неудачный брак стал причиной появления на свет трех больных детей. Хорошо, что к Каролине нашли подход: любовь, разумные ограничения, нежная забота и лишь изредка страх, вернее, не страх, а почтение будет более подходящим словом. Во всяком случае, Карл Брауншвейгский умел внушить дочери восхищение и любовь настолько, чтобы она его слушалась.

– Моя возлюбленная дочь, – говорил он, – я хочу, чтобы ты знала: я никогда не выдам тебя замуж против твоей воли. Ты покинешь родину, только если сама того пожелаешь.

Ее ответ стал ему наградой:

– Милый папочка, вы поставили меня в затруднительное положение. Я хочу выйти замуж. Больше всего на свете я хочу иметь детей. Но все же я твердо знаю, что никогда не захочу покидать вас.

– Однажды ты нас покинешь. Для девицы естественно выходить замуж. День твоей свадьбы рано или поздно настанет. Но знай: я никогда не навяжу тебе мужа, который будет тебе неприятен.

Да, им удалось найти подход к Каролине. В такие минуты ее всегдашняя дерзость словно растворялась, а взгляд становился мягким и нежным. Именно так и нужно обращаться с девочкой. Памятуя о том, что случилось с Шарлоттой, продолжать следует в том же духе, или они рискуют получить еще одну трагедию.

В результате Каролина отказала принцам Оранскому и Прусскому.

Герцогиня была взволнована – она пришла к дочери, чтобы объяснить той причину своего волнения. При разговоре присутствовали горничные Каролины, но герцогиню не смущало присутствие слуг – она считала их чем-то вроде предметов мебели. Ей и в голову не приходило, что у них есть уши и языки и что они так же любят сплетничать, как и она сама.

– Вообрази, Каролина! К нам в Брауншвейг едет мой племянник!

– Неужели... принц Уэльский?

– О, как бы мне хотелось, чтобы приехал именно он! Нет, дорогая, не совсем. Его брат, герцог Йоркский. Я так взволнована!

– Ах, мама, вам кажется, что всё английское – самое прекрасное на свете.

– Так и есть! Так и есть! Если бы только я могла показать тебе английский двор... И даже не столько двор моего брата, сколько двор времен моего деда. Ах, как жаль, что мой отец умер раньше срока! Ведь он мог бы вступить на престол! Только представь, Каролина! Сейчас я – дочь принца Уэльского, в то время как могла бы быть дочерью короля...

– Ну и что, мама? Все равно вы принадлежите к той же семье.

– Это не одно и то же, Каролина. Совсем не одно и то же. И потом... тайные происки, интриги, моя дорогая. Моя мать и... м-м-м... ее друг с одной стороны... и король с другой.

– Мама, расскажите мне о... друге вашей матушки.

– Вот уж нет!

– Не хотите – не надо; освобождаю вас от печальной необходимости, потому что я и так все знаю! После смерти принца Уэльского любовником принцессы стал лорд Бьют.

– Кто рассказал тебе такие гадости? – вскричала пораженная герцогиня.

Каролина улыбнулась с притворной скромностью:

– Вы, мама.

Герцогиня раздраженно фыркнула:

– Какая у нас здесь тоска! Совсем не похоже на Англию. Жизнь разнообразят лишь воспоминания. Знай, Каролина, в Англии я считалась важной персоной.

Каролина с сомнением посмотрела на мать. Неужели? Разве возможно, чтобы когда-нибудь с нею считались? Воображение живо нарисовало Каролине мать, старшую дочь короля, которая активно вмешивалась в придворные интриги... разумеется, безуспешно. Каролина жалела мать, но надеялась, что никогда не станет похожей на нее. Конечно, не станет! Она будет похожа на отца – брауншвейгца со львиным сердцем!

– Мама, – мягко напомнила она, – вы начали рассказывать о герцоге Йоркском.

– Ах да. Он едет навестить нас. Герцог – прославленный полководец и отличился в Европе. Он на год младше принца Уэльского – брат написал мне о нем.

– Наверное, мама, вас очень радует... переписка с королем Англии.

– Его письма доставили мне большое удовольствие. Очень может быть, Каролина, что его величество посылает к нам своего сына с особой целью.

Каролина кивнула. Она вскочила на ноги, прошла по комнате, повернувшись к матери, сделала книксен, потом снова зашагала, глядя через плечо на герцогиню.

– Подойду ли я вам, господин герцог? Стою ли я того, чтобы стать супругой герцога? – Затем она заговорила с уморительным английским акцентом: – Посмотрим. Посмотрим. Не забывайте, я есть английский герцог! Мой брат есть сам принц Уэльский. – Она притворилась, будто достает из кармана монокль и подносит его к глазам, ни на секунду не прекращая тараторить.

Каролину душил смех, но герцогиня даже не улыбнулась.

– Каролина, прекрати! Ты ведешь себя совершенно... совершенно недопустимо.

Но прекратить Каролина была не в состоянии. Она все болтала и болтала, повышая голос почти до визга – верный признак надвигающейся истерики.

«Боже, – подумала герцогиня. – Я не в состоянии совладать с нею. Если бы на моем месте была эта Херцфельдт, что бы предприняла она?»

– Каролина, – отрывисто бросила она, – прекрати! Будешь продолжать в том же духе, и никто никогда не захочет на тебе жениться.

Очевидно, она нашла нужный довод, потому что Каролина замолчала и посмотрела на мать. Воспользовавшись случаем, герцогиня продолжала:

– Ты уже не так молода, чтобы ребячиться. По-моему, тебе стоит проявить чуточку больше интереса к визиту твоего кузена.

Внезапно Каролина представила, как состарится при Брауншвейгском дворе. Эксцентричная принцесса Каролина! Ей хватало ума понять, что ее выходки, на которые, пока она молода, смотрят снисходительно и которые находят забавными, позже будут способны вызвать в окружающих лишь досаду и раздражение. Возможно, их сочтут свидетельством нездоровой психики.

Ей не хотелось на всю жизнь оставаться в Брауншвейге. Она мечтала посмотреть мир, но как сделать это, оставаясь незамужней при дворе отца?

Мать права. Ей следует проявить интерес к герцогу Йоркскому.

– Что вам о нем известно? – спросила она.

– Он очень красив и обаятелен, отличился на полях сражений; кроме того, он хороший собеседник, мудрый и остроумный.

– Прямо божество какое-то, а не кузен.

– Уверена, он таким и окажется, – торжествующе заявила герцогиня.

«Вот чего они хотят, – подумала Каролина. – Они надеются нас сосватать». Брак с герцогом Йоркским. Она уедет в Англию, на родину матери, если верить которой, Англия – какое-то Эльдorado. И все же, живя там, мать и вполнину не была так счастлива, как убедила себя после, покинув родину. Что ж, вполне естественно. На расстоянии всё всегда видится в ином свете.

Да, она не прочь посмотреть Англию. Хочется увидеть дядю Георга, который, кажется, всю жизнь плясал под дудку своей матушки и ее любовника... и тетку Шарлотту – наверняка злодейку; не зря ее золовка, ныне герцогиня Брауншвейгская, так сильно ее ненавидит.

– Мама, расскажите мне о них, – попросила она. – Расскажите о короле и королеве.

– Я уже давно их не видела, – с удовольствием начала герцогиня, ибо больше всего на свете она любила сплетничать, а сплетни о давно прошедших днях были для нее слаще всего. – Георг был красавчиком... в своем роде. Светлые волосы, голубые глаза, довольно тяжелый подбородок. Он был... добрым, очень добрым. Старался всем угодить. Он был изрядно удивлен, оказавшись королем Англии. Разумеется, дедушка был очень стар, а папа умер, вот трон и достался Георгу, но нам тогда казалось, что дедушка будет жить вечно. Но однажды дедушка пошел в туалет и умер на месте. И Георг стал королем, а было ему в ту пору двадцать два года – немногим больше, чем тебе.

– Как вы думаете, он был доволен?

– Что? Доволен? Да он пришел в ужас! Шагу не мог ступить без мамы и лорда Бьюта. Разумеется, их связь вызвала настоящий скандал. Бьюта прозвали Шотландским Жеребцом. Народ его ненавидел. Когда он выезжал в карете, отовсюду сыпались насмешки. Одно время их даже пытались посорить. Но мама долгие годы хранила ему верность...

Каролина бросила на мать лукавый взгляд. Сейчас герцогиня разъяснит все, что секундой прежде объявила неподходящей темой для обсуждения. Из мамы можно вытянуть что угодно, подумала Каролина, нужно лишь выбрать верную тактику.

– Шотландский Жеребец! – воскликнула Каролина, не в силах совладать с приступом смеха. – Ну и кличка! Мне нравится!

– Милая Каролина, умоляю тебя, прекрати! Тебе не подобает рассуждать на подобные темы.

– Мама, а что же королева Шарлотта? Расскажите о ней.

– Ужасное создание. Я невзлюбила ее с первого взгляда. Маленькая, тощая... просто мумия. Плоский нос... и огромный рот. Она была похожа на крокодила. Ей бы следовало держаться скромно, незаметно. Подумать только, девица из крошечного Мекленбурга заполучила в мужа короля Англии!

– Мекленбург-Стрелиц, наверное, похож на Брауншвейг-Вольфенбюттель, да, мама?

Герцогиня с опаской поглядела на дочь.

– Да, но он меньше, – ответила она. – И менее влиятелен. Мы почти сразу дали Шарлотте это понять. Я сообщила о ее действиях матушке, и скоро мы поставили ее на место. Помню случай, когда она не захотела надевать в церковь свои драгоценности, но мы ее заставили. Это было символично. Если бы она в таких мелочах вела себя как ей вздумается, она непременно попыталась бы оказывать влияние на короля и в более важных вещах. Иногда мне кажется: может, в конце концов, лучше было бы разрешить ему жениться на Саре. О, как он был влюблен в Сару Леннокс! Ты назвала бы ее хорошенькой. Но она была ветреной особой. И ее ветреность была доказана. Представляешь, она бросила Банбери. Она ведь вышла за него, когда поняла, что Георга не получит. И у нее был ребенок... но не от мужа. Вышел страшный скандал. А

Шарлотта... все считали ее скучной и пресной немочкой, типичной hausfrau¹, однако она оказалась плодовита. Весьма плодовита! Пятнадцать детей. Подумать только! Не успеет родить одного, как снова беременна. Ее плодовитость сыграла ей на руку. Да, детей рожать она умела.

– Мне бы хотелось иметь пятнадцать детей. Интересно, получится ли?

– Чтобы родить столько детей, тебе придется скорее выйти замуж. – Герцогиня внезапно рассмеялась. – Видишь ли, между родами необходимы передышки. Может, Шарлотта на них не настаивала. Или Георг ей не позволял.

Они засмеялись вместе – герцогиня злорадно, Каролина истерически.

– Осталось тринадцать, потому что Октавий и Альфред умерли. Однако и тринадцать выживших детей из пятнадцати – совсем неплохой результат. Тринадцать. Очень мило. Семеро сыновей. О да, Шарлотта соблюла верную пропорцию. Мальчиков было девять – двое умерли, осталось семь, не так ли? Семь мужей для семи принцесс.

– Значит, в конце концов королева Шарлотта стала благотельницей рода человеческого, – уточнила Каролина. – Во всяком случае, королевского рода. Подумать только, сколько принцесс остались бы незамужними, если бы она так ревностно не исполняла свой супружеский долг!

Каролина залилась смехом, и герцогиня пришла в замешательство, как и все, кто слышал этот дикий хохот.

– Постарайся запомнить то, что я рассказала тебе, – сурово заявила герцогиня. – А теперь их второй сын приезжает к нам с визитом. Фридрих, герцог Йоркский! Скажу тебе откровенно, давно я так не волновалась.

– Мама, насколько сильнее вы бы волновались, будь на его месте их первый сын, принц Уэльский!

– Что ж, дочь моя, мы не можем надеяться на чудо. Принцу Уэльскому ни за что не позволят покинуть Англию. Если бы это произошло...

– Вы имеете в виду, мама, если бы произошло чудо?

Герцогиня строго посмотрела на дочь.

– Когда принц Уэльский решает жениться, семью его избранницы извещает королевский эмиссар.

Каролина снова напустила на себя притворную скромность.

– Что ж, мама, постараюсь испытать должное волнение от предстоящего визита, но буду волноваться не слишком сильно – ведь к нам едет всего лишь второй сын дяди Георга, и едет он лично. Вот если бы к нам явился эмиссар дяди Георга, а не его сын, я должна была бы прыгать от радости, правда?

– Каролина, иногда ты говоришь совершенно неприличные вещи!

– Согласна, – отвечала Каролина. Она хотела добавить: «Эту черту я унаследовала от своей милой маменьки». Но это было бы неразумно. Если указать маме на ее собственные промахи, настанет конец беседам вроде нынешней, и она, Каролина, будет куда меньше осведомлена о скандалах при дворах европейских монархов.

Вид у герцогини был довольный.

– Помни же, – поучала она. – Как только прибудет герцог Йоркский, тебе надлежит приветствовать его в учтивых и... приличных выражениях.

Покидая покои герцогини, Каролина была задумчива. Возможный претендент на ее руку? Очевидно, именно это подразумевали ее родители и мадам де Херцфельдт. Что ж, она посмотрит на молодого человека, и, если он ей не понравится, она не выйдет за него. Разве не сказал отец, что не заставит ее выходить замуж против воли?

¹ Домохозяйка (нем.).

Проходя по двору, она остановилась полюбоваться на гвардейцев. Все красавцы – как на подбор. И как им идет форма! Она уверена, что кузен Фридрих Йоркский и вполтину не так красив, как тот гвардеец, который сейчас идет ей навстречу.

Он отдал ей честь.

– Добрый день, – запросто поздоровалась Каролина – она разговаривала так со всеми.

– Добрый день, ваше высочество.

– Хорошая погода. – Она улыбнулась. – Вы часто стоите здесь в карауле?..

– Меня зовут майор фон Тюбинген – служу вашему высочеству.

– Ах, вы служите мне! Как мило. Скажите, майор фон Тюбинген, можно ли попросить вас об одной услуге?

– Мне доставит величайшее в жизни удовольствие выполнить любую вашу просьбу, ваше высочество!

Какой красавчик, подумала Каролина. И вид у него такой серьезный, словно он и в самом деле готов для нее на все.

– Я этого не забуду, – пообещала она и пошла дальше, но, пройдя несколько шагов, остановилась и оглянулась. Он смотрел ей вслед.

Каролина рассмеялась и вбежала во дворец.

– Майор фон Тюбинген, – повторила она вслух. – Какой душка! Готова поклясться, он куда красивее герцога Йоркского.

Когда приехал герцог, Каролина не изменила своего мнения. К тому времени она успела познакомиться с майором фон Тюбингеном поближе. Они часто разговаривали. Собственно говоря, в голове у Каролины начали роиться планы, включающие brave гвардейца. Она думала, какие красивые от него получатся дети, то есть когда вырастут и будут говорить и вести себя, как он.

Герцог Йоркский оказался вполне симпатичным молодым человеком, хотя и слегка надменным. Неужели все англичане надменны? У него был легкий характер, он был весел и охотно любезничал с кузиной Каролиной, но ей показалось, что он не намерен заходить дальше обычного флирта.

Герцог не вызывал у нее неприязни. Возможно, если бы она постоянно не сравнивала его с майором фон Тюбингеном, то была бы способна представить его в роли своего будущего мужа, ибо, в конце концов, раз ей хочется иметь много детей, не стоит, как напомнила мать, слишком надолго откладывать свадьбу.

Когда герцог понял, что Каролина не склонна рассматривать его в качестве возможного супруга, он отнесся к этому философски, можно даже сказать, вздохнул с облегчением. Кузину Каролину нельзя было назвать дурнушкой; не была она и дурочкой. Однако она не привлекала его ни как жена, ни как любовница. Ему не терпелось поскорее вернуться в Англию; герцог уже давно не был на родине, и англичанки казались ему куда желаннее всех красавиц, которых он повстречал во время своих странствий.

Герцог Йоркский сохранил в душе воспоминания о миссис Робинсон, очень красивой молодой актрисе, в которую был влюблен его брат Георг. Она казалась настоящей богиней! Однако герцог покинул Англию еще до того, как их связь пришла к своему завершению.

При воспоминании о влюбленном Георге ему становилось смешно, потому что Георг, влюбляясь, отдавался своему чувству всем сердцем. Он вспомнил, как сопровождал Георга в Кью-Гарденс, куда Эссекс – тогда еще лорд Малден – привез красавицу актрису, миссис Пердиту Робинсон. Пока Георг обнимался со своей возлюбленной под деревом, он караулил с одной стороны, а Малден и камеристка Пердиты – с другой. Что за красotka была миссис Робинсон! С тех пор, как он покинул Англию, он не встретил ни одной женщины, которая хоть отдаленно могла бы с нею сравниться. Да и камеристка у нее тоже была красotka. Ему не терпелось поскорее вернуться на родину; он надеялся, что вернется не слишком поздно.

Почему его отправили в ссылку только из-за того, что король решил, будто принцу следует обучаться воинскому искусству в германской армии? Однако старику надо отдать должное. На континенте идет война, и он получил возможность поучаствовать в настоящей битве. Но как же хочется ему поскорее оказаться дома, поговорить с братом Георгом, узнать, что он поделяется! В одном можно быть уверенным: принц Уэльский явно не скучает.

Поговаривают, будто он женился на миссис Фицхерберт. Если так... Какой будет скандал! Впрочем, Георг всегда будет жить в атмосфере постоянных скандалов. В чем, в чем, а в этом можно быть уверенным. Какая радость наконец-то оказаться дома, участвовать в проделках и похождениях брата, возобновить старую дружбу! Ибо Георг – его друг, такой, каким никому другому ни за что не стать.

Но пока он в Брауншвейге. Тетя Августа совершенно не похожа на своего брата. Более того, Фредерик был уверен в том, что его отец не одобряет сестру. Так было всегда, но в то же время король считал, что его племянница, принцесса Каролина Стрелицкая, должна выйти замуж за одного из его сыновей.

«Но только не за меня, – решил Фредерик. – Я бы скоро взвыл от такой жены. И потом, покорности от нее не жди». Все же ему доставляло удовольствие кататься с Каролиной верхом, разговаривать и танцевать с ней – в общем, вести себя, как и подобает двоюродному брату.

Каролину интересовала Англия; когда они совершали верховые прогулки в компании придворных, он обычно ехал с нею рядом и беседовал с нею.

Ей хотелось узнать, часто ли англичане ездят верхом.

– О да, постоянно. По-моему, наши лошади – лучшие в мире.

«Послушать его, – думала Каролина, – так у них все самое лучшее».

– А ваши братья и сестры любят верховую езду?

– Мой брат, принц Уэльский, просто обожает. Он не только ездит верхом, но и сам правит фаэтоном и каретами. Говорят, он один из лучших наездников в стране.

– Народ часто делает такие комплименты членам королевской фамилии.

– Что вы имеете в виду, кухня?

– Что принцы и принцессы всегда считаются самыми лучшими. Им достаточно иметь хотя бы одну правильную черту, и их считают красавцами. Взять, например, меня. Меня называют прекрасной принцессой Брауншвейгской. Что вы об этом думаете?

– Что это правда.

– Лстец! – Она рассмеялась. – Вы вовсе так не считаете. По-вашему, меня всего лишь можно терпеть в качестве кухни. О, нет, мистер Йорк, не думайте, будто я напрашиваюсь на флирт. Совсем нет! Если бы я хотела флиртовать, для того нашлось бы много охотников.

– В этом я уверен.

– Но я не желаю тревожить милорда герцога – даже если бы он почувствовал такую склонность, я бы охладила его пыл.

– Какая вы недобрая!

Она громко рассмеялась:

– Вы очень бойки. Но у меня не больше желания выйти за вас замуж, чем у вас – жениться на мне. Так что на сей счет можете успокоиться.

– Жениться? – изумился герцог.

– Будемте честными. Когда сын короля приезжает с визитом в семью принцессы, его намерения очевидны. Ваш визит, сэр, – своего рода смотрины. Не отрицайте очевидного. Я просто хочу вас успокоить.

Она подхлестнула лошадь и помчалась вперед; герцог смотрел ей вслед. Какое странное создание! Что она имела в виду? Кокетничала? Бранила за то, что он не делает ей предложения, или предупреждала, чтобы он и не думал о таком развитии событий? Георг последовал было за ней, но тут увидел, что она догнала рослого гвардейца и поехала рядом с ним, изредка

оглядываясь на герцога. Ничто не могло быть для него яснее: она не желает, чтобы он присоединился к ним.

Герцог повернул назад и смешался с толпой придворных. Нравы при брауншвейгском дворе весьма странные, думал он, но самое странное – это поведение принцессы Каролины.

Из Англии прибыл курьер, который привез письма и посылку для герцога Йоркского. Вскрыв посылку, он, к своему изумлению, обнаружил в ней ожерелье и серьги с великолепными бриллиантами.

К украшениям было приложено письмо, подписанное отцом.

Король полагал, что герцогу Йоркскому, возможно, захочется сделать подарок своей кузине Каролине, и с этой целью он посылает ему бриллианты.

Герцог некоторое время задумчиво смотрел на украшения. Потом взял ожерелье и полюбовался огранкой камней. Подарить его Каролине будет равноценно тому, чтобы сделать ей предложение. Так, значит, вот что на уме у старика! Дело совершенно ясное. Но он не хочет жениться на ней. Более того, он подозревает, что ему откажут, и это не понравится королю. Неужели ей позволят отказать жениху-англичанину? В разговоре Каролина пару раз обмолвилась, что ее отец пообещал не принуждать ее к замужеству.

Он покачал головой, положил ожерелье обратно в футляр и тщательно завернул посылку.

Он сел и стал мечтать о возвращении на родину. Какой женщине хотелось бы ему преподнести это ожерелье? Наверное, она будет немного похожа на миссис Робинсон. И она уж точно будет англичанкой.

Герцог Йоркский покинул Брауншвейг. Многие в недоумении качали головами. Неужели Каролина собирается отвергнуть всех претендентов на свою руку? Какая странная девица! Похоже, она вовек не выйдет замуж.

Каролина знала, что о ней повсюду шепчутся.

– Ну и пусть, – говорила она баронессе де Бодэ. – Он вполне симпатичный молодой человек, только не для меня.

– Он сын короля Англии, – напомнила баронесса.

Каролина надула губки.

– Второй сын!

– Боже, неужели ваше высочество надеется на принца Уэльского?

Каролина, смеясь, отвернулась. Пусть думают так. Пусть считают ее тщеславной. Она и в самом деле лелеет тщеславные мечты о жизни с любимым человеком, о большой семье, о счастливых детях.

И она была влюблена.

Под покровом сумерек Каролина выскальзывала из дворца на свидания со своим майором. Он слегка тревожился – разумеется, за нее – и часто заявлял, что ему все равно, что будет с ним.

– Дурачок, – журила она его. – Отец меня понимает. Он знает, что ни за что не сможет выдать меня замуж против моей воли. Он позволит мне выйти замуж за того, кого выберу я.

Но если так, почему не открыться герцогу? Вот о чем думала Каролина. Однако майор фон Тюбинген умолял ее подольше сохранить в тайне их отношения.

Она уступила, но предупредила его, что ненадолго.

Он уже ждал ее под деревом – рослый, статный и таинственный в длинном плаще.

Каролина бросилась ему в объятия и стала покрывать его лицо страстными поцелуями. Ее несдержанность и радовала, и тревожила майора.

– У меня для тебя подарок, любимый, – сказала она. – Талисман.

Каролина вручила ему большую аметистовую булавку, которую приказала переделать из одного своего кольца.

– Я хочу, чтобы ты носил ее всегда! – приказала она.

Каролина сбивчиво заговорила об их будущем. Она признается во всем отцу, и они поженились.

– Этому не суждено сбыться, – убеждал он ее в отчаянии. – Принцессе ни за что не позволят выйти замуж за простого солдата.

– Простого солдата! Ты – простой солдат? Да в тебе нет ничего простого. Я люблю тебя, слышишь? Я люблю тебя. А это значит, что отец даст свое согласие.

Майор шепотом попросил ее говорить потише, чтобы их не подслушали.

– Пусть слушают! – Она возвысила голос. – Какое мне дело? Я хочу, чтобы весь двор знал. Почему бы и нет? Главное, что я так хочу!

Каролина была многословна и нетерпелива. Она заявила своему майору, что брак с ним станет настоящим блаженством.

– У нас будут дети... ты хочешь детей? Ну, конечно! Милые малыши. И все наши. Всякий раз, идя в деревню навестить моих подопечных, я говорю себе: «Они прелесть. Я их обожаю. Но скоро у меня родятся свои!» Я не могу ждать. Да и зачем? Я больше не ребенок. Я должна поговорить с отцом. Должна! И я поговорю с ним!

Но он умолял ее подождать еще немного, и, любя его, она согласилась.

От глаз придворных не укрылось, что майор фон Тюбинген носит большую аметистовую булавку. Иногда он любовно ласкал ее пальцами. Принцесса Каролина постоянно оказывалась там же, где майор, и часто бросала взгляды на булавку. Поэтому все решили, что булавка – ее подарок.

Невозможно было не понять, что принцесса влюблена. Она и прежде никогда не отличалась скрытностью, а влюбленная Каролина и вовсе не скрывала своих чувств.

Как вышло, что принцесса, отвергнувшая принцев Оранского и Прусского и ясно давшая понять герцогу Йоркскому о своем нежелании выходить за него, безоглядно влюбилась в обычного майора?

Слухи быстро множились. Она уже беременна, шептались люди. Ну, ей это не впервой. Припоминали скандал, когда во время бала во дворец срочно потребовали акушера.

В Брауншвейге готовился разразиться новый скандал.

Мадам де Херцфельдт посовещалась с герцогом, и в результате однажды, вскоре после того, как Каролина одарила возлюбленного аметистовой булавкой, она тщетно прождала его в условленном месте.

Майор уехал, и, когда Каролина спросила его сослуживцев, где он, те затруднились с ответом. Утром он еще был здесь, а после обеда исчез буквально бесследно.

Каролина в гневе топнула ногой.

– Где он? Где? Где? – кричала она.

Однако они ничем не могли ей помочь.

Один из офицеров предположил, что, возможно, ответ знает герцог.

Каролина отправилась в отцовские покои. С герцогом была мадам де Херцфельдт. Они оба ждали ее.

– Дорогое дитя... – начал отец и собирался обнять ее, но она воскликнула:

– Где майор фон Тюбинген?

– Майор фон Тюбингена выполняет свой долг, – мягко ответил герцог.

– Какой долг? Где он?

Герцог выглядел удивленно. Даже любимая дочь не смеет разговаривать с ним в подобном тоне!

– Прими как должное то, что его больше здесь нет.

– Его больше здесь нет. Такой ответ меня не устраивает. Я хочу знать, где он. Я хочу, чтобы его вернули. Я собираюсь выйти за него замуж! И ничто – слышите? – ничто меня не остановит!

Герцог посмотрел на мадам де Херцфельдт, которая мягко заметила:

– Каролина, вам следует понять, что принцесса не может выйти замуж без согласия своей семьи.

– Мне наплевать на других принцесс! Я знаю только то, что сделаю по-своему. Я выйду замуж за майора фон Тюбингена!

– Нет, моя милая, – возразил герцог. – Не выйдешь.

Она повернулась к отцу.

– Вы обещали, что не станете принуждать меня выходить замуж против моей воли!

– Да, обещал; против воли ты замуж не пойдешь. Однако я не давал тебе разрешения выходить замуж без моего благословения.

– Значит, вы отослали его!

– Каролина, – вмешалась мадам де Херцфельдт, – у нас не оставалось иного выхода.

– У вас не оставалось иного выхода! А кто вы такая, мадам, чтобы указывать мне? Замолчите. Если слушаться отца я обязана, то к вам это не относится. Я здесь не останусь! – Каролина начала мерить комнату шагами.

Она похожа на тигрицу, подумала мадам де Херцфельдт. Насколько было бы спокойнее, если бы она вышла замуж и уехала подальше от двора.

Герцог уже собирался отчитать дочь, но мадам де Херцфельдт жестом запретила ему заступаться за нее. Она была уверена, что нужно попробовать убедить Каролину лаской. Мадам всегда боялась подобных столкновений. Если не совсем здоровая психика Каролины выйдет из равновесия, ее отец будет очень страдать.

– Ты должна была понимать, – сказал герцог, – что подобная партия совершенно не подходит для тебя.

– Нет, подходит, потому что мы любим друг друга. Что может быть более подходящим? Вы хотите, чтобы мой брак походил на ваш? Вы дадите мне супруга, которого я буду презирать, так же как вы свою жену?

Герцог сжал кулаки. Каролина кричала во весь голос; он прекрасно понимал, что ее могут услышать.

– Не пытайтесь заставить меня замолчать! Вы отослали моего возлюбленного. Он хороший, добрый, красивый... но не годится для меня. Вы выдадите меня за какое-нибудь уродливое чудовище только потому, что в его жилах течет королевская кровь! Вот подходящая партия... подходящая... подходящая...

Мадам де Херцфельдт потихоньку выскользнула из комнаты. Герцог понял, что пора принимать меры. А пока он старался успокоить дочь.

– Каролина, я не позволю тебе так кричать. Позволь напомнить о твоём месте. Если бы я захотел, я выдал бы тебя замуж, руководствуясь исключительно собственным выбором. Не воображай, что, если до сих пор я был к тебе снисходителен, то и дальше буду продолжать в том же духе. Все зависит от твоего поведения.

Слова отца утихомирили Каролину. Она побаивалась его. Каролина понимала, что своей вольной жизнью обязана отцу, что с нею обращаются совсем не так, как обращались бы с другими принцессами в ее положении.

– Папа, – всхлипнула она, – я люблю его!

– Знаю, дорогая, но это невозможно. Ты должна понять.

– Но почему? Какая глупость! Почему мы должны быть несчастными, когда можем быть счастливыми, можем иметь здоровых детей и растить их в мире и согласии?

– Расплата за принадлежность к царствующему дому!

– Но ведь такую расплату придумали мы сами! Почему? Зачем? Почему мы не вольны в своем выборе? Почему вынуждены страдать только для того, чтобы сохранить наше нелегкое царственное достоинство?

– Дочка, прошу тебя, не надо так говорить.

– Значит, мне нельзя даже говорить так, как я хочу! – Глаза Каролины сверкнули от внезапной вспышки гнева. – Я не потерплю такого обращения! Я сама буду хозяйкой своей жизни! Я поеду и найду его! Откажусь от ваших драгоценных привилегий ради любви!

Мадам де Херцфельдт вернулась с чашкой в руке.

– Каролина, – сказала она, – вы знаете, что я вам сочувствую. Прошу вас, выполните мою просьбу.

– Какую?

– Выпейте это. Лекарство поможет вам поспать. Вы обезумели от горя, а когда вы оправитесь от потрясения, можете поговорить с отцом.

На мгновение им показалось, что Каролина выбьет чашку из рук мадам де Херцфельдт.

– Вы успокойтесь, – добавила мадам. – Возможно, вы сумеете склонить его на свою сторону – или даже согласиться с ним.

Каролина осознала всю безнадежность своего положения. Ей казалось, что стены королевских покоев смыкаются над нею. «Я заключенная, – подумала она. – Я пленница своего королевского достоинства».

Принцесса Каролина заболела. Она ничего не ела и совсем не спала. Только лежала в постели и смотрела в потолок пустым взглядом.

Каролина получила прощальное письмо от майора фон Тюбингена. Он умолял ее смириться, в глубине души с самого начала понимая, что разлука неизбежна. Она не должна пытаться искать его, ибо даже если бы она его нашла – что едва ли возможно, – он не может жениться на ней. Это было бы равносильно государственной измене – она должна это понять. Он никогда ее не забудет. Он будет любить ее до самой смерти. Если когда-нибудь она вспомнит о нем с нежностью, то больше он ничего не просит от жизни.

Каролина горько плакала над письмом и сунула его под подушку, чтобы перечитывать снова и снова. Конец мечтам о любви и браке с человеком, которого она избрала сама. Она впала в апатию; родные и врачи опасались за ее жизнь.

Ей доставляло странное удовольствие наблюдать, как они о ней заботятся. Отец приходил каждый день; он был очень нежен. Если она чего-нибудь хочет – кроме того единственного, чего она действительно желала, – то получит все.

– Нет-нет, ничего, – шептала она и отворачивалась к стене.

Но ей горько было видеть, как он несчастен. Ведь герцог всегда был для нее хорошим отцом, и она его любит.

Ради него Каролина немного поела и попыталась примириться с неизбежным. Спустя какое-то время ей стало лучше, и она смогла встать с постели.

Герцог предложил смену обстановки, Каролина ненадолго оставила двор. Вернувшись, она больше походила на прежнюю пылкую девочку.

Но когда принц Георг Дармштадтский сделал ей предложение руки и сердца, Каролина отказала ему.

– Хотя я и не вольна делать выбор, – твердо заявила она, – по крайней мере, мне разрешено отвергать.

Чудо

Каролине исполнилось двадцать шесть лет. О ней говорили: «Теперь уж она никогда не выйдет замуж».

Принцесса и сама начала так думать. Она часто бывала в домах подданных своего отца, проявляла огромный интерес, если там ожидалось рождение ребенка, и ежедневно ездила навещать «своих малышей».

Каролина часто вспоминала майора фон Тюбингена. Интересно, женился ли он? Мысль о том, что он стал отцом очаровательных детишек, была почти невыносима. Возможно, у нее просто блажь; раз ей не позволили выйти замуж за любимого, наверное, стоило принять предложение одного из тех претендентов, которые считались подходящими партиями. По крайней мере, сейчас у нее уже был бы собственный ребенок.

Она была более подавлена, чем прежде. История с майором фон Тюбингеном изменила ее. Каролину не волновало, что за ее именем тянется шлейф сплетен и что недоброжелатели шептались, будто она не вышла замуж из-за того, что вела распутную жизнь. Ей приписывали по меньшей мере двух незаконнорожденных детей; в доказательство приводили историю с появлением во дворце акушера прямо во время бала и то, что после истории с Тюбингеном принцесса ненадолго уезжала. Но что ей за дело? Подобные сплетни были ей безразличны.

И все же жизнь в Брауншвейге прискучила Каролине. Правда, она любила отца, однако прекрасно знала, что мать ревнует его к мадам де Херцфельдт и что последняя едва выносит герцогиню. Положение при дворе можно было назвать в лучшем случае неловким, и Каролина не могла испытывать ни к одной из дам достаточной привязанности.

Ее начали одолевать мрачные предчувствия. «Я так и окончу свои дни в Брауншвейге, – думала она, – тоскуя по детям, которых мне не суждено родить. Что я была за дура! Надо было согласиться выйти замуж за одного из тех, кто предлагал мне руку и сердце».

А потом произошло чудо.

Однажды за нею послал отец. Ничего не подозревая, Каролина вошла в его покои, застав там и мать. Вид у герцога был очень торжественный, а герцогиня сдерживалась из последних сил, чтобы тотчас не выпалить дочери радостную весть.

Однако сообщить новость дочери было обязанностью самого герцога, и он сказал:

– Каролина, мне нужно сообщить тебе нечто важное. По-моему, новость очень хорошая. Я получил письмо от твоего дядюшки, короля Англии. Принц Уэльский просит твоей руки.

– Принц Уэльский?! – Великая радость овладела ею. «Значит, еще не поздно, – подумала она. – Я не напрасно ждала так долго. Зато я получила высшую награду».

– Тебе оказана великая честь, – продолжал герцог. – Конечно, принц – твой двоюродный брат, и это возможность, которую я уверен, ты не захочешь упустить.

– Разумеется, ты ее непустишь! – Герцогиня больше не в силах была сдерживаться. – Только представь, Каролина, ты будешь королевой Англии! Вообрази! Ты, Каролина, станешь королевой!

– Да, – медленно произнесла Каролина, – если я выйду за него, в один прекрасный день я стану королевой Англии.

Отец смотрел на нее почти со страхом. Положив руку на плечо дочери, он заглянул ей в глаза, которые внезапно могли становиться такими дикими.

– Мне никогда не хотелось сбывать тебя с рук или отсылать прочь, – мягко сказал он. – Но если ты хочешь выйти замуж, дочка, подобного случая, возможно, тебе никогда больше не представится.

– Вы правы, отец, – ответила она.

– Да ты хоть понимаешь? – вскричала герцогиня. – Принц Уэльский! Мой милый, дорогой племянник! Первый джентльмен Европы! Я слышала, он само очарование! А как он красив! Каролина, ты счастливейшая из женщин, а когда подумаешь, что тебе скоро двадцать семь... Невероятная удача! Немедленно напишу брату. Думаю, здесь не должно быть никаких проволочек. По-моему...

– Мадам, – холодно заметил герцог, – замуж выходит Каролина, а не вы.

Герцогиня открыла было рот, чтобы возразить. Какое унижение! Как с ней обращаются! Вдобавок при детях. Со своей Херцфельдт он бы ни за что так не говорил. Напротив, спрашивал бы ее совета и относился к ее словам серьезно.

Она метнула на мужа взгляд, исполненный ненависти и не ускользнувший от внимания Каролины. Как хорошо будет уехать отсюда!

– Дорогая моя, – продолжал герцог, – тебе нужно время, чтобы подумать.

– Я уже все решила, – сказала Каролина. – Я приму предложение принца Уэльского.

Герцогиня в восторге захлопала в ладоши. Герцог вздохнул с облегчением. Каролина же стояла неподвижно. Она держалась с необычным спокойствием.

– Дитя мое, – заявил герцог, – ты приняла мудрое решение.

Каролина подняла глаза на отца, а затем бросилась к нему в объятия. Герцог растаял и крепко обнял дочь. Герцогиня смотрела на них, но мысли ее витали далеко. Она думала о приготовлениях к свадьбе, о самом бракосочетании и ликовала, потому что дочь, ставшая для них тяжелым испытанием, скоро будет принцессой Уэльской.

Каролина вернулась к себе и застала в своих покоях баронессу де Бодэ. Та понимала, что происходит нечто важное, а так как видела послов из Англии, то догадалась, что принцессе, наверное, предложили руку и сердце.

– Вы пришли узнать новости? – осведомилась Каролина.

– Надеюсь, новости хорошие.

– Не смогу ответить вам, пока не окажусь на смертном одре.

– Что имеет в виду ваше высочество?

– Что лишь в конце жизненного пути можно судить, был брак хорошим или плохим.

– Брак!

– Не делайте такое удивленное лицо, вы нисколько не удивлены! Ведь вы догадались, что мне сделали предложение?

– Из Англии?

– Как странно! Все кругом куда больше меня взволнованы моей свадьбой.

– Прошу вас, скажите, который из сыновей короля Англии сделал вам предложение!

– Старший, мадам. И не стоит так бесцеремонно расспрашивать меня. Вам следует с большим уважением относиться к будущей принцессе Уэльской и королеве Англии.

– Так это правда? О, какой сегодня великий день!

– Вы все вздохнете с облегчением, сбыв с рук надоевшую вам принцессу!

– Я вовсе не имела в виду... Я хотела сказать, что перед вами открывается блестящее будущее... О, ваше высочество, пожалуйста, будьте осторожны! Я верю, что вы извлечете опыт из ошибок, допущенных вами в прошлом.

Принцесса лукаво подмигнула гувернантке.

– Что было, то прошло, – сказала она, – и прошлого не воротишь. А что будет, то будет, как бы я себя ни вела.

Баронесса уже собиралась возразить, но Каролина подняла руку.

– Я хочу остаться одна и подумать, – заявила она. – Я приняла предложение принца Уэльского, которого никогда не видела, но много слышала о нем. Я согласилась выйти за него замуж, потому что жизнь в Брауншвейге мне ужасно наскучила.

– Ваше высочество...

Принцесса покачала головой.

– Я хватаюсь за корону и скипетр, как утопающий хватается за соломинку.

– Не говорите так. Это опасно... Если ваши слова достигнут ушей принца...

– Принца Уэльского? – Внезапно Каролина расхохоталась своим обычным истеричным смехом. – Он ведь тоже никогда меня не видел... и все же берет меня в жены. Вам не кажется, баронесса, что он испытывает по отношению к этому браку те же чувства, что и я?

Баронесса промолчала.

– Почему мы такие мрачные? – воскликнула Каролина. – Настало время радоваться! Принцесса Брауншвейгская скоро обручится с принцем Уэльским.

Фредерик, герцог Йоркский, приехал к принцу Уэльскому в Карлтон-Хаус и был принят в покоях принца, выходящих на Сент-Джеймский парк.

Принц был элегантно облачен в сюртук жемчужно-серого цвета с бриллиантовой звездой, приколотой на груди слева; бриджи из оленьей кожи туго обтягивали стройные, хотя немного полноватые ноги; шейный платок был шедевром портновского искусства в серо-голубых тонах. Именно принц Уэльский ввел моду на шейные платки, так как у него было легкое искривление шеи. Его густые светлые волосы были взбиты и завиты; холеные белые пальцы были не чрезмерно, но обильно унизаны бриллиантами; от него исходил легкий приятный аромат духов.

– Ну, Фред, – сказал принц, – мне нужна правда. Какая она?

Фредерик вспомнил свой визит в Брауншвейг. Он попытался воскресить в памяти кузину Каролину. Вполне хорошенькая – он, правда, не захотел на ней жениться, но, если подумать, был бы он, женившись на ней, так уж несчастен? Во всяком случае, не несчастнее, чем теперь. По сравнению с той женщиной, с которой он беспечно вступил в брак, – разумеется, по той же причине, по которой сейчас вынужден жениться Георг, то есть из-за долгов, – любая невеста покажется привлекательной.

– Насколько я помню, она премоилое создание.

– Ты мог жениться на ней, однако не женился.

– Прошу тебя, не говори со мной о женитьбе – по крайней мере, моей. Она была неудачной с начала до конца.

– Однако я заметил, что ты устроил свои дела к полному удовлетворению.

– Я просто отказался с ней жить.

– И поскольку, – продолжал принц, – ты сделал свой выбор и, следовательно, не оставил надежды на продолжение рода, я вынужден выполнять свои обязательства перед государством.

Фредерик рассмеялся:

– Признайся, Георг, ведь эти обязательства касаются не меня, а тебя!

– Я надеялся, что задачу за меня решит кто-нибудь из вас.

– С женщиной, которая превратила дом в зверинец? Оутлэндс-Парк больше не является человеческим жилищем. Он представляет собой огромную клетку с животными. Суки со своим пометом валяются на диванах; обезьянки лазают по перилам; вопят попугаи. Просто кошмар, Георг! А блохи, а вонь!

– Избавь меня от подробностей, – поморщился принц, вынимая из кармана белый кружевной платочек и поднося его к носу, дабы вдохнуть аромат духов.

– Я просто объясняю тебе, Георг, что по сравнению с моей герцогиней желанной кажется любая женщина!

– Даже Каролина Брауншвейгская?

– Я этого не сказал. Мне она показалась хорошенькой. Ноги у нее коротковаты, и держится она не слишком элегантно, но тогда Каролина была молода и немного сумасбродна. Несомненно, она уже переросла свое дикарство. Насколько я помню, у нее густые белокурые волосы и красивые глаза.

Принц явно испытал облегчение.

– Думаю, Георг, – продолжал его брат, – вы с ней прекрасно поладите.

– От всей души желаю, чтобы эта свадьба никогда не состоялась.

И братья грустно посмотрели друг на друга.

Будущая женитьба принца снова сблизила братьев. В юности они были неразлучны. Они защищали друг друга, вместе проказничали и вместе сносили наказания. Фредерик терпеливо стоял на страже во время свиданий принца с миссис Робинсон; не однажды навлекал он на себя отцовский гнев, защищая брата. Братья негодовали из-за отсылки Фредерика за границу в основном потому, что его отъезд означал их разлуку. Когда он вернулся, их дружба возобновилась, словно он никуда и не уезжал.

Принц познакомил брата с Марией Фицхерберт, – в то время он обращался с нею как с принцессой Уэльской, – и Фредерик поддался ее очарованию. Она тоже полюбила его, хотя порицала грубые шутки и дикие выходки, которые позволяли себе они с принцем. Мария винила во всем Фредерика, так как с его возвращением принц возобновил шумные кутежи и попойки, которым предавался до знакомства с нею. Однако размолвка между братьями случилась из-за жены Фредерика, германской принцессы Фредерики Шарлотты Ульрики. Хотя принцесса наполнила дом сворами собак и не обращала внимания на блох и прочие прелести, она была особой надменной и была решительно настроенной всячески поддерживать свое положение герцогини Йоркской. Поэтому она отказывалась относиться к Марии Фицхерберт иначе, как к любовнице принца Уэльского. Такое отношение унижало Марию и приводило принца в ярость – поскольку в то время он был страстно влюблен в Марию, то раздраженно порицал Фредерика за то, что брат не может совладать с собственной женой.

Фредерик был возмущен несправедливостью, ибо всегда относился к Марии с величайшим почтением, однако братья отдалились друг от друга. Охлаждение, наступившее в отношениях принца Уэльского с братом, служило доказательством того, насколько глубокое чувство испытывал принц к миссис Фицхерберт.

Но теперь Фредерик больше не жил с женой – да и кто мог его в том упрекнуть? Прежние дружеские отношения между братьями возобновились, хотя обоим было ясно, что прошлого уже не вернуть.

– Не унывай, Георг, – сказал герцог. – Леди Джерси тебя утешит.

– И то правда, – неуверенно подтвердил принц.

Чувства его были в смятении. Он совсем запутался. Леди Джерси – утонченная и назойливая, которая, завлекая, одновременно отталкивала его, – утешит его после брака с этой немкой... и после потери Марии.

Ах, Мария! Ему никак не удавалось отделаться от воспоминаний о ней. Иногда ему казалось, что он будет думать о ней вечно.

Вот если бы вместо женитьбы на иностранке можно было вернуться к Марии! Как он был бы счастлив... Но вернуться невозможно. Его поразила еще одна ужасная мысль: что скажет Мария, которая считала себя его женой, узнав, что он собирается жениться на другой?

Присев на позолоченную кушетку, принц Уэльский закрыл лицо руками и разрыдался.

Фредерик нисколько не смутился; будучи ближайшим родственником принца, он привык к его слезам. Принц всегда отличался чрезмерной слезливостью – Фредерик цинично подумал: вот что члены нашей семьи великолепно умеют делать. «Мы слезливая семья, – размышлял он, – однако никто не умеет рыдать так артистично, как принц Уэльский».

Принц прижал к глазам надушенный платочек – к счастью, ни глаза, ни лицо его не распухали от слез.

– Фред, – сказал он, – правда в том, что я никогда не полюблю ни одну женщину так, как люблю Фицхерберт.

– До сих пор, Георг?

– До сих пор и навеки! – страстно вскричал принц.

– Но все же...

– Проклятые деньги, Фред! Как мне иначе удастся расплатиться с долгами? Но цена... женитьба на немецкой фрау!

Фредерик мрачно кивнул.

– Мы расплачиваемся за наше положение, Джордж.

– Но почему мы миримся с этим? Чего бы я не отдал за свою свободу!

Предположим, подумал Фредерик, он откажется от своих прав. Во всеуслышание объявит о том, что женится на Фицхерберт вместо того, чтобы позволить Фоксу публично отрицать этот факт в палате общин? Что изменится? Принц больше не будет носить великолепную бриллиантовую звезду, знак его ранга; ему придется покинуть величественный Карлтон-Хаус, свою роскошную резиденцию, с ее огнями люстр, позолоченной мебелью, изысканным фарфором и бесценными картинами. Георгу стоит хорошенько подумать, ибо ничто не доставляет ему такого удовольствия, как, купив заброшенный дом, превратить его в дворец. Стоит взглянуть, что сделал он со своим так называемым Павильоном в Брайтоне! И здесь, в Карлтон-Хаус, апартаменты принца куда пышнее интерьеров в мрачном старом Сент-Джеймском дворце, полуразрушенном Виндзорском замке или скромном Кью. Даже Букингемский дворец проигрывал в сравнении с ним. Да, Георгу есть о чем подумать. Китайская передняя, кабинет, обитый синим бархатом, пурпурная гостиная, серебряная столовая... И самое великолепное помещение – тронный зал с позолоченными столбиками, на которых выставлены плюмажи принца Уэльского. Даже комнаты, которые он называет своими личными покоями, – те, что выходят окнами в парк, – подходили бы самому королю. Нет, Георг слишком ценит свое положение, чтобы отказаться от всех привилегий принца крови и наследника престола ради Фицхерберт. Превыше всего он ценит собственные желания и капризы; его захлестывают эмоции, но даже страсть, какую он испытывает к несравненной Фицхерберт, не помешала ему бросить ее ради показавшейся более соблазнительной леди Джерси. Георг не способен отказаться от своих прав на корону ради женщины. Только представить Георга в изгнании! Он вынужден будет скитаться по Европе и жить в крайней нужде, потому что снисходительные, хотя иногда и нудные, парламентарии откажутся оплачивать его долги. Георг рожден в роскоши, привык к мотовству и не умеет считать деньги. Он сознает лишь то, что желает жить в окружении красивых вещей и что, в качестве принца Уэльского и будущего короля Англии, имеет на это естественное право.

И кто такой Фредерик, чтобы критиковать брата? Разве сам он не был вынужден жениться по той же причине?

Поэтому герцог Йоркский попытался утешить Георга, приукрасив портрет Каролины.

Она действительно очаровательна, к тому же умна и образованна. По правде говоря, он ведь и сам мог выбрать ее себе в жены, но она отказала бы ему. Разумеется, он не принц Уэльский. Особенно ему запомнились ее белокурые локоны. Такие легкие и пышные! А принцу очень нравятся красивые волосы...

Принц кивнул, вспоминая о пышных волосах Марии. Они у нее цвета меда. Она никогда не пудрила голову, несмотря на требования моды, и сохраняла естественный цвет волос. Но, разумеется, мало у кого из женщин волосы могут сравниться с волосами Марии. Собственно говоря, с нею не может сравниться ни одна!

Он всегда будет считать ее своей женой.

Проклятые долги! Проклятая нужда, из-за которой его лишили Марии и подсовывают вместо нее немецкую фрау. И все же у Марии его отбила леди Джерси.

«Но к ней я не питаю серьезных чувств, – подумал принц. – Я не люблю ее в полном смысле слова. А вот Мария...»

Герцогу Йоркскому удалось утешить брата. Кажется, его нареченная – не чудовище; она не такая страшная, как жена бедняги Фреда, и лицо у нее не изрыто оспинами, как у этой

высокомерной нахалки, и она не заполонит дом животными, которые будут справлять свои нужды на золоченых кушетках Карлтон-Хаус.

Видя, что его миссия выполнена и настроение брата слегка улучшилось, Фредерик удалился.

Принц попытался найти утешение у леди Джерси, однако не получил искомого. Он не переставал сокрушаться о Марии.

Фрэнсис красива, в том нет сомнения. Она изящна и стройна, почти как девочка, хотя ему больше по душе женщины в теле; однако она весьма опытна, поскольку на девять лет старше его, и потому привлекала принца. Мария была старше его на шесть лет – принцу всегда нравились более зрелые женщины. Нет, Фрэнсис не столько утешает, сколько возбуждает его; к тому же он ее побаивается. Ему недостает мягкости Марии, а также той глубокой любви, какую та к нему питала. Но с Марией он расстался и теперь все свое время уделяет Фрэнсис.

Леди Джерси была чувственной женщиной; физически она его возбуждала, но рядом с ней он не ощущал уверенности в себе, – в этом была ее сильная сторона. Ему казалось, что она способна удовлетворить его больше, чем любая другая женщина, какие были у него прежде, и, покуда она этого не делала, оставалась надежда на будущие эротические наслаждения.

Вот что привлекало его в леди Джерси и разлучило нежно, почти по-матерински, с любящей его Марией. И хотя принц тосковал по Марии, он не мог просить ее вернуться. Между ними встала насмешливая, сексуально притягательная Фрэнсис Джерси, которой, как он опасался, невозможно противостоять.

Леди Джерси не пыталась умиротворить его, как делали многие женщины.

– Не могу понять, почему вы так мрачны, – говорила она. – Женившись, вы ничего не теряете... зато приобретаете всё!

– Ты забываешь о том, что супружество накладывает на человека определенные обязательства.

Фрэнсис громко расхохоталась:

– Мое дражайшее высочество, насколько вам известно, у меня есть муж. В настоящее время он вполне доволен жизнью и всегда рад услужить своему принцу, так что нам с вами нет нужды заботиться о нем. У меня двое сыновей и семь дочерей. У меня даже есть внуки! Хотя, сознаюсь, я очень молодая бабушка. И вы не можете утверждать, будто, прожив столь полноценную жизнь в смысле пополнения рода человеческого, я не понимаю, какие обязанности налагает на человека супружество.

– Но меня заставляют жениться на немке... Должен признаться, немцев я не люблю.

– Мне непонятна антипатия вашего высочества, ибо некто, к кому я питаю самые нежные чувства, также принадлежит к названной вами нации.

– Немцы! – продолжал принц. – Мой отец женился на немке. И считается с ней.

– Я всегда считала ее величество самой милосердной королевой.

Про себя Фрэнсис хихикнула. Как забавно! Чопорная праведница Шарлотта одобряла связь сына с теперешней любовницей. Собственно говоря, Фрэнсис получила определенные приказания через леди Харкорт. Ей надлежало отбить принца у Фицхерберт, ибо только тогда он согласится жениться, а жениться ему давно пора; он обязан родить наследника престола, ибо его братья проявляют в этом вопросе странную медлительность. От герцога Йоркского, который разъехался со своей супругой, очевидно, мало толку. Уильям, герцог Кларенский, следующий сын, вполне респектабельно, насколько это возможно в подобных случаях, сожительствует с очаровательной актрисой, Дороти Джордан; однако надеяться здесь не на что. Еще один брат, Август Фредерик, герцог Сассекский, только что стал героем крупного скандала, ибо тайно вступил в брак, презрев Акт о бракосочетании, в соответствии с которым ни один член королевской фамилии до достижения им двадцатипятилетнего возраста не имеет права жениться без согласия короля. Августу Фредерику же исполнилось всего двадцать лет. Брак объявили

недействительным, несмотря на то что его возлюбленная собиралась родить и к тому же, будучи дочерью графа Данмора, могла похвастать предками с королевской кровью. Нет, со стороны братьев помощи ждать не приходилось, так что принцу Уэльскому вменялось в обязанность дать жизнь наследнику престола. Королева понимала, что это невозможно, пока принц хранит верность миссис Фицхерберт; следовательно, их надобно разлучить. Поскольку Фрэнсис располагала необходимыми возможностями, королева предоставила ей право действовать по своему усмотрению. Вот доказательство тому, цинично думала Фрэнсис, как даже самая благочестивая дама может презреть вопросы морали ради государственных интересов.

Однако мадам Шарлотта сильно разгневалась бы на свою маленькую шпионку Фрэнсис Джерси, знай она о том, как Фрэнсис уговаривала принца жениться на брауншвейгской принцессе. У королевы имелась другая кандидатка в жены старшему сыну – Луиза Мекленбург-Стрелицкая. Она приходилась Шарлотте родной племянницей, и ей очень хотелось видеть свою родственницу и землячку принцессой Уэльской.

К несчастью для Луизы, она была чрезвычайно хороша собой и к тому же умна. Поэтому, если Фрэнсис собиралась сохранить свое влияние на принца – а она всячески стремилась к этому, – естественно, она не желала, чтобы у него появилась молодая красавица-жена.

Выбор Фрэнсис пал на Брауншвейг. Она слышала, что тамошняя претендентка неуклюжа, невоспитанна и, что в глазах принца является непростительным грехом, не слишком чистоплотна. Она не любит умываться, принимает ванну лишь после долгих уговоров и редко меняет белье. Фрэнсис хотелось, чтобы новобрачная вызвала у принца отвращение. Пусть он проведет с нею достаточно времени, чтобы зачать наследника престола, а в остальное время ищет покоя и утешения в объятиях леди Джерси, ибо леди Джерси любит власть, а после власти больше всего ценит мирские блага. Если любовница принца Уэльского достаточно умна, она получит все, что захочет; и никто – а менее всего она сама – не станет отрицать тот факт, что леди Джерси – женщина умная.

Королева никогда не узнает, что на выбор принца повлияла именно леди Джерси, уговорив его жениться на брауншвейгской принцессе. Бедная Шарлотта считает, что старший сын выбрал Каролину просто из-за того, чтобы досадить ей. Глупая Шарлотта! Вообразила, что она, леди Джерси, будет на нее работать. Леди Джерси никогда не работала ни на кого, кроме самой себя.

– Итак, – сказал принц, – теперь у нас при дворе будет целых две немецкие фрау. Помоему, это вдвое больше, чем нужно.

– Если бы вы согласились с выбором королевы, было бы то же самое. Наверное, Фредерик подробно описал вам вашу будущую жену.

– Может, он просто пытался меня утешить?

– Надеюсь, что так. Утешать вас – наш общий долг.

– Ах, Фрэнсис, как меня страшит женитьба!

– Так перестаньте думать о ней. Вспомните о более приятных вещах.

И она искоса посмотрела на него, отчего он снова почувствовал возбуждение, которое заставило его покинуть Марию!

– К чему беспокоиться? – спросила Фрэнсис с придыханием, словно в ее словах содержался и иной, скрытый смысл, который принц всегда старался угадать. – Я буду рядом, – добавила она, – и позабочусь о вас. – Про себя она подумала: «И о нашей немочке тоже».

Принц был настолько очарован Фрэнсис Джерси, что ему удалось, хотя бы на время, изгнать из головы мысль о женитьбе.

А именно к этому он и стремился.

Мария Фицхерберт вернулась из Европы с подругой и компаньонкой, мисс Пиго, которая жила с ней и делила все ее радости и горести.

Не найдя утешения за границей, Мария решила вернуться в Англию. Она не испытывала желания поселиться ни в особняке на Пэлл-Мэлл, который подарил ей принц, ни в брайтонском доме. Лучше всего она чувствовала себя в Марбл-Хилл в Ричмонде; поэтому она предложила мисс Пиго вернуться туда и зажить там тихо и незаметно.

Мисс Пиго все понимала. У милой Марии нет желания возвращаться в свет, ибо там невозможно избежать встречи с принцем Уэльским. А если он случайно ранит ее (нет, на такое он не способен!) или не выкажет прежней любви, что вполне вероятно, так как он повсюду появляется в обществе леди Джерси, как вынесет это Мария? Ибо, по мнению Марии, принц Уэльский – ее супруг; в соответствии с законами ее церкви так оно и есть. Это государство – посредством Акта о бракосочетании, изданном отцом принца, – сочло недействительной церемонию, которая состоялась 15 декабря 1785 года, то есть немногим менее десяти лет назад.

Мисс Пиго часто думала: насколько счастливее была бы Мария, отправься она в деревню после смерти мистера Фицхерберта и останься она там. Тогда принц Уэльский никогда не повстречал бы ее и не решил, что жить без нее не может. Несомненно, Мария вышла бы замуж за какого-нибудь симпатичного сельского джентльмена, который обожал бы ее и скрасил бы ей остаток жизни.

Она поверила свои соображения Марии, но та грустно покачала головой.

– По крайней мере, Пигги, я прожила несколько счастливых лет. Полагаю, мне следует быть благодарной Господу за них. Ведь вы тоже его любите. Вы не станете отрицать!

Мисс Пиго согласилась. Принц и правда такой душка! Когда он целует руку или кланяется, у него это выходит так грациозно, что чувствуешь себя настоящей герцогиней. А когда он благодарит за оказанные ему мелкие услуги, на глазах у него часто показываются слезы. Кто остался бы равнодушен к его чарам? Только не мисс Пиго. И не Мария.

И все же, подумала мисс Пиго, Мария долго держалась. Только когда он притворился, будто хотел покончить с собой... Но – тсс! – этого нельзя говорить. Мария верит, будто он действительно пытался убить себя. Она часто вспоминает его поступок как доказательство того, насколько была нужна ему. Милая Мария, пусть верит и дальше, если это ее утешает. Бедняжка, как никто другой, нуждается в утешении.

Сама же мисс Пиго полагала, что принцу просто пустили тогда кровь. Врачи постоянно делали ему кровопускания. Когда принц волновался, давая выход своим необузданным страстям, у него иногда начинались своего рода припадки, которые вроде бы облегчались посредством кровопускания. В тот раз лекари переусердствовали, полагала практичная мисс Пиго. Окровавленная одежда... мертвенно-бледное лицо... он заявил, будто шпагой проткнул себе бок, пытаясь покончить с собой, потому что Мария ему отказала. И она поверила – почему бы и не поверить? Вскоре после этого Мария уехала и целый год жила за границей, а потом она больше не в силах была противиться. И все время принц хранил ей верность, что, как рассуждала мисс Пиго, потребовало от него большого самоотречения. Значит, он действительно ее любил.

Наше очаровательное высочество любит Марию так же, как может любить всякую другую женщину, думала про себя мисс Пиго. Вот почему так жаль, что его выбор пал именно на нее.

Ибо ради кого еще он прошел бы через церемонию на Парк-стрит? Их венчал настоящий священник, следовательно, брак имеет законную силу. И разве не относился он к ней все время как к своей жене? Все, кто хотели угодить ему, были обязаны обращаться к Марии как к принцессе Уэльской. Он был ей предан. Но, разумеется, у него бывали и другие женщины.

Как бы он обходился без женщин – разных женщин? Больше всего на свете принц любил женщин и лошадей, но женщин, разумеется, он любил гораздо больше. Умница мистер Шеридан сказал о нем: принц слишком любит всех женщин, чтобы стать любовником для одной.

Как верно подмечено! Грустно, но справедливо!

Но Мария – умная и по-матерински ласковая – верно разгадала натуру своего принца. Она мирилась с его изменами, разумеется, неохотно, но принимала их как данность – до тех пор, пока на сцену не вышла леди Джерси. Кто бы мог подумать, что эта... бабушка, на девять лет старше принца, сумеет так его поработить! Но в уме леди Джерси не откажешь. У нее не было намерения занять второе место после Марии, следовательно, она вознамерилась разрушить влияние Марии на принца. И она преуспела.

Но мисс Пиго была уверена, что их связь не навеки. Он еще вернется. Она чувствовала это кожей.

А Мария, раненная в самое сердце, не протестовала, ни словом не возразила. Как это на нее похоже! Она всегда была так горда. Настоящая королева, думала про нее верная мисс Пиго. Она не разозлилась на него, как поступило бы на ее месте большинство женщин. Смиренно приняла свою отставку. «Раз я больше не нужна ему, я исчезну из его жизни, если он хочет именно этого».

Мисс Пиго считала, что принц еще вернется; письмо, в котором он утверждал, что больше никогда ее не увидит, он написал, повинувшись минутному порыву, находясь под влиянием своей злобной старухи. Но Мария смирилась со всем. Мисс Пиго никогда не забыть тот день, когда она вернулась из дома герцога Кларенского с письмом, которое было ей там вручено. Она шла словно во сне. О, как мог принц быть таким жестоким... таким злым! Почему он так с ней поступил? Вручить ей подобное письмо в гостях, объявить о ее отставке на глазах у целой толпы! Притом она и понятия не имела о том, что против нее затевается. Буквально за день до того он отправил ей послание, начинающееся с обращения: «Любимая!»

С Пердитой Робинсон он расстался подобным же образом – объявил ей об отставке письменно. Но тогда он написал ей потому, что терпеть не мог сцен, а миссис Робинсон, если верить слухам, в конце их связи частенько закатывала скандалы. Правда, и с Марией у них случались ссоры. Надо быть святой, чтобы не ссориться с таким ветреным, неверным мужем, – что бы ни говорил закон, а Мария считала принца своим мужем. Значит, возможно, причина была именно в том.

А потом она уехала за границу.

– Вам следует остаться, – пробовала тогда возражать мисс Пиго.

– Что?! – вскричала Мария. – Остаться? Как собаке, которая ждет свистка хозяина?

Мария очень горда. Но утешилась ли она за границей? Остаться во Франции, этой истерзанной стране, было для нее невыносимо. Ведь Франция была для нее второй родиной, она там воспитывалась... После революции там настолько все переменялось к худшему, что она не могла обрести там мира и покоя, которых жаждала. Поэтому они вернулись в Англию и поселились в Марбл-Хилл².

Мария всегда с особенной нежностью относилась к Марбл-Хилл – красивому дому, выстроенному для леди Саффолк, одной из любовниц Георга II, когда она настолько состарилась, что больше не могла ублажать своего повелителя. К дому примыкал чудесный парк, разбитый по проекту Батхерста и Поупа, с цветущей живой изгородью, особенно живописной весной. Мария любила лужайку, сбегаящую вниз, к реке, и обсаженную с двух сторон каштанами. Из грота в саду открывался изумительный вид на Ричмонд-Хилл. При одном только взгляде на дом становилось понятно, почему он заслужил свое название – стоящий на склоне белый дом действительно выглядел так, словно изваян из мрамора; своим изяществом он был обязан великолепным архитекторам – Пемброку и Берлингтону.

Сидя в гостиной с пальцами в руках, Мария, однако, не вышивала; она тоскливо смотрела на лужайку и на реку. Подойдя, мисс Пиго села рядом. Мария принужденно улыбнулась.

– Как рано стало темнеть, – заметила Мария. – Скоро наступит зима.

² Мраморный холм (англ.).

Однако она имела в виду вовсе не погоду.

– Мария, откройте мне ваши мысли, – попросила верная компаньонка. – Не стоит таить переживания в себе.

– Да, наверное, не стоит.

– Если вы думаете о нем, не стоит притворяться, будто это не так. Что у вас на уме?

Мария не сразу собралась с ответом.

– Вы правы, – сказала она. – Притворяться нет смысла. Я действительно думаю о нем. Я думала, что отъезд поможет мне исцелиться, но, боюсь, меня не исцелит уже ничто.

– Он вернется, – уверенно заявила мисс Пиго. – Я знаю, что он вернется.

Мария покачала головой.

– Я бы не поверила, что такое возможно, если бы он не написал того письма... так холодно... после всех этих лет... после...

– Письмо было написано в неудачный момент, милая Мария. Уверена, сейчас у него сердце разрывается...

– А по-моему, нет, Пигги. Он счастлив с леди Джерси и совершенно забыл меня, а может, даже радуется, что избавился от меня.

– Вы сами нисколько себе не верите. Никогда принц не будет этому радоваться. Он человек порывистый. Знаете, милая моя, вы и сами пару раз теряли терпение. В ссорах с ним вы не всегда выказывали кротость, правда?

– Пигги, вы придумываете для него оправдания. Вы же знаете, я хочу, чтобы вы оправдывали его.

У Марии был до того несчастный, до того трагический вид, что мисс Пиго не сдержалась и поцеловала ее.

– Милая Пиг, хорошо, что у меня есть вы. Вы мое единственное утешение.

– Я буду верна вам до гроба.

– Именно это обещал мне и он.

– И он говорил серьезно... в своем роде.

– В своем роде? – с горечью переспросила Мария. – Я знаю, что это означает. Слова... слова, которые не имеют никакого значения.

Она замолчала, и мисс Пиго не стала нарушать наступившую тишину. Потом Мария заговорила о церемонии в ее гостиной на Парк-стрит.

– Я никому, кроме вас, об этом не рассказывала. Я обещала, что сохраню наше бракосочетание в тайне, и сдержала слово. Мне следовало знать, чего ожидать, когда Фокс в своей речи в палате общин публично опроверг сведения о нашей свадьбе. И принц промолчал!

– Тогда вы его оставили. Помните, как вы были несчастны? Но ведь позже вы к нему вернулись!

– Что бы ни утверждал мистер Фокс, он был моим мужем. Я ничего не забыла.

– Раз он был вам мужем тогда, он ваш муж и сейчас. И вам ни к чему забывать его.

– Забыть предпочел он, и я не стану ему ни о чем напоминать. Да и что толку? Но я не могу не думать о счастливых днях, проведенных с ним. По-моему, счастливее всего мы были, когда жили в нужде. Подумать только, о чем он мечтал, будучи бедным! Помните, как в Карлтон-Хаус явились судебные приставы, а король не пожелал помочь и принц продал лошадей? Тогда мы переехали в Брайтон... Но мы твердо решили экономить; постепенно выплатить его долги... и потом купили тот домик в Хэмпшире. Пигги, по-моему, время, проведенное в Кемпшотте, было лучшим в моей жизни. Если бы он был простым сельским джентльменом, как первых два моих мужа, мне кажется, мы были бы счастливы. Никто не понимает его так, как я. Я могла бы составить его счастье... но он так не считает.

– Конечно, считает! Интрижка с Джерси рано или поздно закончится, как закончились все другие. Он просто мальчик... на мой взгляд, довольно испорченный... но мы любим его таким, какой он есть. Он вернется.

– Значит, вы еще не слышали сплетен.

– Сплетен? Каких сплетен?

– Он снова в долгах. Кредиторов надо ублажать. Посовещавшись, король и мистер Питт поставили ему одно условие.

– Они вечно ставят какие-то условия!

– На сей раз условием стала женитьба.

– Женитьба? Но как он может жениться? Ведь он уже женат.

– По закону наш брак недействителен.

– Значит, закон лжет. Разве священник не связал вас с ним брачными узами?

– Связал, но для государства наш брак недействителен... Помните, как было с герцогом Сассекским? Он принес обет верности супруге, но суд аннулировал его брак.

– Помню. Какая жестокость!

– Однако это непреложный факт. Я являюсь женой принца лишь до тех пор, пока он считает меня таковой.

– Чушь!

– Знаю, что перед лицом Господа и моей церкви я жена принца. Но он не признаёт нашего союза. Вот почему он согласился жениться.

– Согласился жениться? Ложь!

– Так убеждала себя и я, однако ходят упорные слухи...

– Слухи были и будут всегда.

– Но у этих есть весьма прочное основание. Я даже знаю, кто станет принцессой Уэльской.

– Кто же?

– Каролина Брауншвейгская. Племянница короля.

– Все это сущая ерунда, – заявила мисс Пиго.

Однако Мария покачала головой.

– Это правда, – сказала она. – И это конец. На сей раз я действительно его потеряла.

В Куинз-Лодж, в Кью, королева читала газеты, покуда ей завивали волосы. Она ожидала, что в связи с предстоящей женитьбой принца там появятся карикатуры и фельетоны, поскольку о помолвке было объявлено официально. До поры до времени новость, разумеется, держали в тайне; однако дольше хранить молчание невозможно.

Шарлотта вздохнула. Только бы не было скандала; только бы не огорчили короля; вспоминая его последнюю его болезнь, она содрогнулась. Едва ли возможно назвать это обычной болезнью. Долгие месяцы, пока ум его был расстроен и ей пришлось врать бразды правления в свои руки, нелегко дались ей. Нет, властность не была чужда ее натуре: она хотела власти и получила ее – благодаря состоянию короля... впрочем, «благодаря» неудачное выражение при данных обстоятельствах. Однако факт налицо: она ужасно боится короля. Когда у него заплетается язык и на висках у него вздуваются вены, она опасалась, что он окончательно сойдет с ума – и станет опасен.

Милый маленький Кью, как она всегда называла свой любимый дворец, утратил свою скромность. Кью понравился ей с первого дня, когда она переехала в Куинз-Лодж, который был лишь одним из домов в парке. Соседний дом назывался Голландским; там жил принц Уэльский до того, как не приобрел собственное жилище – вначале апартаменты в Букингемском дворце, а затем, получив большую свободу, переселился в Карлтон-Хаус. На другом берегу – достаточно лишь перейти по мосту – жили многие члены королевской фамилии. Разумеется,

жизнь в Кью-Гарденс совсем не похожа на жизнь при дворе; Кью едва ли можно назвать королевской резиденцией. Возможно, именно поэтому им с королем так нравилось здесь.

Но теперь и в Кью все по-другому – он полон воспоминаний. Королева помнила, как они перевезли сюда короля из Виндзорского замка, когда впервые поняли, что он безумен; иногда по ночам она просыпалась от звуков его дребезжащего голоса, который все не умолкал и становился все более хриплым. Она вспоминала, как король схватил принца Уэльского за горло и стал душить его. Какой ненавистью сверкали в тот момент его безумные глаза! А однажды он так сильно сжал в объятиях младшую дочь, Амелию, что девочка закричала от страха: ей показалось, что отец собирается ее задушить. Ее, свою любимицу! Королеве никогда не забыть измученный взгляд мужа, когда у него отобрали девочку и попытались надеть на него смирительную рубашку.

Воспоминания о жизни в Кью! Король гуляет по парку в окружении врачей и выкрикивает что-то хриплым голосом, подпевая воображаемой музыке, которую он якобы слышит, обмениваясь рукопожатием с дубом, которой он принял за прусского императора. Да, бедный Кью сильно изменился...

Откуда нам знать, думала королева, когда болезнь вновь овладеет им? Если король окончательно сойдет с ума и будет назначено регентство, принц сделает все возможное, чтобы ограничить ее власть.

Но она не позволит ему мешать ей, ведь мистер Питт на ее стороне. Питт – премьер-министр; ему мало дела до принца Уэльского. Принц заключил союз с Фоксом и вигами – этого достаточно, чтобы Питт был против него.

«Мы с Питтом будем править вместе», – мечтала королева Шарлотта. И почему она так ненавидит старшего сына? Ведь пока он был ребенком и юношей, она его боготворила. Остальные дети и вполтину не значили для нее столько, сколько ее первенец, а теперь она его ненавидит.

Сильные чувства для матери – и такой простушки. Да, из-за того, что ее столько лет считали простушкой, пустым местом, у нее появился шанс взять бразды правления в свои руки.

Король с самого начала вознамерился «поставить ее на место» – что, по его понятиям, означало, что она должна рожать детей, – и неуклонно следовал своим намерениям все годы их брака. Она подарила ему пятнадцать детей. Выполнила ли она свой долг? Но теперь король – несчастное, жалкое создание; он выглядит старше своих лет и живет в постоянном страхе перед надвигающимся безумием.

А перед ней, королевой, замаячили новые перспективы.

Однако принц вознамерился делать все ей наперекор. Он должен вступить в брак и выбрал Каролину Брауншвейгскую в то время, когда мог бы жениться на очаровательной дочери ее брата.

Возможно ли сейчас заставить его изменить решение?

Шарлотта посмотрелась в зеркало. Голову ее увенчали треугольным валиком и начали укладывать вокруг него волосы.

«Какое уродство! – подумалось ей. – Никакие ухищрения не в силах сделать меня красивее. Но даже если бы им удалось – какая разница? Все равно я уже старуха».

– Ваше величество, мы готовы пудрить...

На плечи ей накинули специальную накидку и приступили к делу.

Казалось, пудра забивает ей нос и попадает в горло. Как это утомительно!

Наконец прическа была готова, и королева отправилась в свою гостиную, где ее ожидали принцессы.

Все шесть принцесс собрались там. Они присели в реверанс – королева зорко следила за каждым их движением, дабы не упустить ни одной оплошности. Двенадцатилетняя Амелия не так грациозна, как следует, однако ее нельзя упрекать. Она – любимица отца, а он не выно-

сит, когда ее бранят. А учитывая, какое умиротворяющее действие оказывает на него девочка, подумала королева, нам всем следует быть благодарными ей и закрыть глаза на ее мелкие недостатки.

У старшей принцессы унылое выражение лица. Бедняжка разочаровалась в жизни. Она еще молодая женщина, но ей недолго осталось быть ею. Принцессе двадцать девять лет, а для нее до сих пор не нашли жениха. Да и как, скажите на милость, сыскать ей мужа, если протестантских принцев так мало? Загвоздка в том, что женихи для ее дочерей должны происходить из королевской семьи и одновременно быть протестантами. Серьезное препятствие. А если вспомнить, что у нее еще пять дочерей на выданье и все безнадежно ждут женихов... Ах, что за сложная проблема – брак. Сыновья женятся на ком попало, а дочери напрасно ждут...

Может, не стоило рожать так много детей...

Королева оглядела дочерей. Ее девочки. Она их любит. Они куда лучше братьев поддаются ее влиянию. Не противятся ни ей, ни королю. Хотя, наверное, попытались бы, будь у них такая возможность.

– Мою табакерку! – сурово напомнила королева, глядя на старшую, в обязанности которой входило подавать матери табакерку и следить, чтобы в ней всегда хватало нюхательного табака.

Принцесса Шарлотта подала ей табакерку, присев в книксене. Королева взяла щепотку. Так-то лучше! Ничто не способно поднять настроение так, как хорошая щепотка нюхательного табаку.

– Чья сегодня очередь читать вслух? – спросила королева, оглядываясь вокруг. – Кажется, ваша, Голи?

Мисс Голдуорти, которую члены королевской семьи называли Голи, отвечала, что, раз на то воля ее величества, она почтет за счастье начать чтение. Все достали рукоделие, принцессы и их фрейлины сели, и Голи начала читать.

«Ну и скука!» – думала принцесса Шарлотта. И так проходит день за днем... Ничего не изменится... если не произойдет чудо. У принцессы лишь одна возможность покинуть родительский дом – вступить в брак, а кто знает, каким окажется замужество! Что ж, будь что будет. Все лучше, чем эта невыразимая тоска.

Сейчас ей двадцать девять; однако лишь в двадцать шесть лет ей позволили разговаривать с молодыми людьми, которые не были предварительно представлены королевой. Вступив в зрелый возраст, она получила так называемую свободу. Теперь ей можно беседовать с людьми без матушкиного согласия. Ну и свобода! Достаточно, чтобы молодая женщина взяла себе в же любовники первого попавшегося. «И скоро, – думала принцесса, – я дойду до такого отчаяния, что именно так и поступлю». В двадцать шесть лет ей разрешили самой подбирать себе книги для чтения – прежде ей дозволялось читать только отобранные для нее матерью. Она никогда не забудет пережитого унижения, какое испытала, обнаружив, что Фанни Берни, романистка, состоявшая одно время в матушкиной свите, вымарывает некоторые места в книге Свифта «Джон Буль», презначенной для нее. А в то же время ее братья... Джордж меняет женщин как перчатки, и вся страна задается вопросом: женат он или нет? Имя его избранницы произносят шепотом: Мария Фицхерберт. А до Фицхерберт у него была интрижка с актрисой, известной под именем Пердиты Робинсон – она угрожала опубликовать его письма к ней, и пришлось откупиться от шантажистки, назначив ей пожизненную пенсию. И его выходки начались еще до того, как ему исполнился двадцать один год! Позже разразился скандал с Августом, а Уильяма нисколько не волнует неодобрение родителей, что он живет как с женой с одной актрисой. Мальчикам позволено все, а с девочками обращаются как с монашками в монастыре. Такая жизнь кого угодно доведет до белого каления.

Скоро ей исполнится тридцать. Тридцать... потом сорок... пятьдесят... И она все еще будет оставаться при унылом дворе Георга III?

Принцесса Шарлотта обвела взглядом сестер. Августа не так озабочена их положением, но ведь она на два года моложе! Августа абсолютно равнодушна к одежде – настоящий сорванец. Ее не так заботят ограничения, как старшую принцессу; она просто пожимает плечами и принимает все как есть.

На столике рядом с двадцатипятилетней Елизаветой – блокнот; она рисует их всех, и ей нет дела до недовольства Шарлотты. Елизавета хочет стать художницей; и хотя король с королевой не принимали занятий дочери всерьез, они не видели вреда в ее маленьком хобби. Король часто просил дочь показать свои рисунки и не скупился на похвалы.

Мария и София, девятнадцати и восемнадцати лет соответственно, лишь начинали тяготиться своим положением, а Амелия в двенадцать лет даже и не подозревала о том, насколько скучно они живут. Папина любимица, она находилась в семье на особом положении и, кажется, была вполне довольна своей участью. Ей не успела надоесть повседневная рутина: гулять с собаками, приводить их в гостиную королевы, а потом выводить оттуда, ежедневно следить за тем, чтобы мамина табакерка была полна и стояла на столике возле нее. О, какая бессмыслица! Вечерние выходы на террасу, когда публика стекается поглазеть на них. Они тщательно подбирают наряды для такого случая, обмахиваются веерами, улыбаются и кланяются в ответ на приветственные возгласы толпы. Конечно, все в первую очередь глазели на Амелию. Скоро девчонка совсем зазнается! Ради удовольствия публики она то складывает, то разворачивает веер, играет со своими безделушками, а когда папа с ними, он не сводит с нее глаз. Ей никогда не доводилось выслушивать суровые выговоры, которые доставались остальным детям.

В такой обстановке почти с нетерпением ждешь четвергов, когда король с королевой обязаны быть в Сент-Джеймском дворце. Нет, ничего особенного в такие дни не происходит, кроме некоторого разнообразия. Мама особенно тщательно одевается и едет в Лондон. Палантин и кружева она везет в пакете, чтобы не запылились дорогой. Она ведет себя не как королева, а как жена скромного сквайра. И принцессы вынуждены терпеть такую жизнь просто потому, что так привыкли жить они! Если бы королем стал принц Уэльский, как изменились бы нравы при дворе! Она слышала, как Фредерик сказал: Георг уверял его, что, вступив на престол, он первым делом найдет сестрам мужей.

Принцесса верила, что так и будет. Ибо в глубине души, несмотря на ту веселую и беспутную жизнь, какую он вел, Георг был добр; и, поскольку наслаждаться жизнью во всей ее полноте, несомненно, его главная цель, ему хочется, чтобы и окружающие его люди также радовались жизни. В то время как для папы... синонимом добродетели является скука.

О боже, что за жизнь! Ей уже под тридцать, и никаких надежд на спасение.

– Принцесса Шарлотта, выведите собаку! – Голос королевы звучал сурово. Конечно, ей не следовало забываться. – Голи, у вас сел голос. Пусть вас сменит мисс Планта. А вы можете взять ее рукоделие.

Когда принцесса вернулась в гостиную, оказалось, что Амелию мучает кашель.

– Похлопайте ее по спине, – распорядилась королева.

София, сидевшая рядом с Амелией, незамедлительно выполнила приказ.

– Так лучше?

Амелия подтвердила: да, ей лучше. Но спустя какое-то время она снова закашлялась.

Ее приступы кашля доставляли королеве легкое беспокойство. Она твердила себе, что со временем это пройдет. Больше всего она боялась, что кашель дочери услышит король; он сильно расстроится.

Амелия была маленькой, изящной и очень хорошенькой. Матери пришел в голову эпитет «хрупкая». О, нет, Амелия вполне здорова. Если бы только не проклятый кашель... Она справится; самое главное – чтобы ее кашель не услышал король. Он разволнуется, начнет предаваться мрачным мыслям. Ничто дурное не должно касаться его любимой Амелии! Он непременно вспомнит, что Октавия и Альфреда перед смертью тоже мучили приступы кашля.

– Ну что, Амелия, теперь тебе лучше? – строго осведомилась королева.

– Да, мама.

– Не кашляй, когда ты находишься с папой. Он не любит кашель.

Амелия старалась, как могла. В любом случае кашлять или сморкаться в присутствии коронованной особы являлось нарушением этикета. Фрейлины охотно делились способами, с помощью которых им удавалось не чихать. Самым действенным считалось положить палец горизонтально под нос. Так делали, когда кому-то хотелось чихнуть. Кашель подавлялся еще легче. «Что за глупые правила! – думала принцесса Шарлотта. – Как я была бы счастлива, если бы какой-нибудь принц попросил моей руки. Я бы не позволила родителям отказать за меня – ни при каких обстоятельствах. Все лучше, чем опостылевшая жизнь в Кью».

Настало время королеве удалиться в свои покои. Она встала. Принцессы также поднялись и торопливо сделали реверанс.

Их мать направилась в апартаменты короля и нашла его за столом, корпеющим над бумагами. До его болезни королева не осмеливалась прикасаться к документам. Теперь она управляла страной, ибо он оказался дряхлым стариком, пережившим припадок безумия и постоянно боявшимся повторения.

Теперь король обо всем с ней советовался. Страной фактически управляли она и Питт. Хотя некоторым хотелось бы видеть на их месте принца и Фокса.

– Принц с нетерпением ожидает начала переговоров, – сказал король. – Хороший знак, верно?

– С Брауншвейгом? – быстро спросила королева.

– С Брауншвейгом. Уверен, моя сестра будет довольна.

– Еще бы. Представительница захудалого двора становится женой наследника английского престола! Еще бы ей не быть довольной.

Шарлотта вспомнила, какое оживление царило при таком же захудалом дворе, когда в Мекленбург-Стрелиц приехали послы с сообщением, что принц Уэльский – ныне король Англии, бедняга, сидящий за этим столом, – просит ее руки.

– Она будет очень довольна. Мы ведь одна семья, да? Какое облегчение, что Георг наконец-то решил остепениться. Давно пора. Возможно, скоро у него появятся дети. Это должно его отрезвить.

– Если что-то способно отрезвить его, – парировала королева. – Только верный ли выбор он сделал, предпочтя эту Каролину?

– Ему пришлось выбирать всего из двух претенденток – моей племянницы и твоей. Выбор сделан. Он женится на моей племяннице.

Королева поджала губы. Георг сделал это назло ей. Отверг красивую и умную Луизу Мекленбург-Стрелицкую ради брауншвейгской девицы. К сожалению, она тут бессильна что-либо предпринять.

– Я пишу Малмсбери в Ганновер, – продолжал король. – Настало время ему ехать в Брауншвейг и делать официальное предложение принцессе Каролине.

Значит, подумала королева, и в самом деле слишком поздно.

Она оставалась с королем до тех пор, пока письмо не было написано и запечатано.

Потом королева направилась в свои апартаменты. Она представляла себе принцессу, которая вскоре явится ко двору, – как Каролина, должно быть, неуклюжа! Разве она сама не была такой сразу по прибытии? Английский двор, вне всякого сомнения, сильно отличается от бедного, захудалого брауншвейгского двора. Она сама тогда была очень молода – ей было всего семнадцать, – а Каролине уже двадцать семь, так что она, по крайней мере, более зрелая. Но разве это довод в ее пользу? Молодую девушку легче укротить.

Королева припомнила первые недели, проведенные ею при дворе своего молодого мужа. Главным ее врагом тогда была ее золовка, принцесса Августа, которая словно задалась целью

испортить ей жизнь. Язвительная и злая, скорее всего из-за того, что сама была не замужем, она пыталась вбить клин между молодой королевой и ее свекровью, вдовствующей принцессой Уэльской. Последняя охотно шла навстречу, ибо стремилась удержать свое влияние на короля и не собиралась делиться властью с юной невесткой, хотя бы та и являлась королевой.

«Я ненавидела Августу! – думала королева. – Высокомерная злока! Как я радовалась, когда она вышла замуж и уехала в свой Брауншвейг. После отъезда ее не приглашали на родину».

И дочери ее здесь придется несладко, пообещала себе Шарлотта. Она заранее ненавидела эту девицу!

Принц Уэльский оторвал взгляд от письменного стола и посмотрел в окно, на Сент-Джеймский парк.

Потом он вздохнул и перечел то, что только что написал.

Кругом сплошная ложь, сказал он себе и, достав платок, прижал его к глазам. Однако жест его выглядел довольно вялым, потому что свидетелей рядом не было.

Принц быстро пробежал письмо глазами. «Следует незамедлительно решить, каким путем прибудет принцесса...»

Незамедлительно, повторил про себя он. Значит, через несколько недель она будет здесь!

– Мне тошно при одной мысли о женитьбе, – пробормотал принц. – И все же это случится. У меня нет другого выхода.

Женившись, он получит достойное содержание. Даже отец и Питт не вправе отказать ему в этом. А кредиторы очень настойчивы. Он настолько погряз в долгах, что даже не осмеливался подсчитать, сколько должен. Принц делал долги с тех самых пор, как научился держать в руках деньги, но никогда не думал о них как о чем-то серьезном, пока не приходил час расплаты. Парламент рассчитывался за него – это одна из обязанностей парламента. Неужели они хотят, чтобы принц Уэльский жил как нищий?

Да, они все понимали, но поставили свои проклятые условия, и ему пришлось подчиниться и согласиться на брак с этой немкой. Одно время такое решение казалось ему разумным и единственно возможным, однако чем ближе был роковой день, тем мучительнее была сама мысль о свадьбе.

Леди Джерси уверяла его, что все будет хорошо. У него останется Фрэнсис, чары которой по-прежнему околдовывали его, но в глубине души принц тосковал по Марии – ему хотелось покаяться и получить прощение. Только она способна наполнить смыслом его жизнь – ведь он любит одну Марию, женщину, которую считает своей законной женой. И церемония, которая имела место десять лет назад на Парк-стрит, была настоящей брачной церемонией.

Мария его жена, а он посватался к немецкой принцессе, так как того потребовали парламент, король и мистер Питт. Они ни за что не признали бы его брак с Марией, потому что король провел закон, согласно которому ни один член королевской фамилии не имеет права жениться без его согласия. Любая церемония, вступающая в противоречие с этим законом – даже если ее провел настоящий священник и были произнесены брачные обеты, – считается недействительной. Следовательно, все ясно, и Мария должна понять, что его вины в случившемся нет. Его принудили отказаться от нее ради интересов государства. Ах, как тяжек жребий наследника престола! Принц вспомнил самое начало романа с Марией. Вспомнил свою страсть – жадную, неутолимую страсть к ней; тогда ему казалось, что он готов на все, только бы жениться на ней.

Я от короны откажусь,
Останься ты со мною, —

пел он и верил в свою искренность.

Тогда ради Марии он готов был пожертвовать всем на свете и уехать из Англии. Они купили бы славный домик где-нибудь в Европе, скажем, во Франции. Нет, не во Франции – несчастная страна, залитая кровью монархов, напоминала ему о том, сколь непрочно держатся короны на головах королей, но сама непрочность делала их такими бесконечно желанными! Принц убедил себя, что нет нужды жертвовать короной ради Марии, ибо он может сохранить и то и другое.

Но Фокс публично опроверг их брак в палате общин, дав понять, что хотя они с Марией считают себя мужем и женой, но в глазах государства таковыми не являются. Отнюдь не так сложились бы обстоятельства, признай государство законность их брака, ибо Мария была не только простолюдинкой, но еще и католичкой. На основании только одного последнего пункта он мог лишиться короны.

Все за тебя готов отдать,
Но только не корону!

Это более точно выражало бы его чувства.

Мария должна понять. Должна!

Но Мария не похожа на других женщин. Другие на ее месте впали бы в ярость, бушевали, по крайней мере попытались бы его вернуть. Он вспомнил отчаянные попытки Пердиты вновь завладеть его вниманием. Но Мария ничего подобного не сделала. Она уехала из Англии; не ответила на его письмо и кротко смирилась с его волей... словно ей было все равно.

Но теперь она снова в Англии. Как хочется вновь ее увидеть! Поговорить с ней, объясниться. «Понимаешь, в каком я положении, Мария? Меня вынуждают жениться на этой немке. Несчастное создание заранее вызывает у меня отвращение. Но я должен жениться на ней. Мы должны родить наследников. Я ревностно исполню свой долг, а когда все будет кончено... мне даже не нужно будет приближаться к ней. Фрэнсис Джерси? Она просто сирена. Ей трудно противиться. Но я ее не люблю, а тебя любил всегда... и всегда буду любить... до самой смерти, Мария».

Но Мария не делала попыток увидеться с ним. И потом, как может он сейчас к ней вернуться? Одним из условий ужасной сделки является его обязательство бросить ее. Лишь до тех пор, пока принц ведет себя так, словно никакого брака с Марией не было, он может жениться на Каролине Брауншвейгской. Хотя по закону его брак с Марией и считается недействительным, он освящен церковью. И многие англичане признали бы его брак законным.

Что скажет народ о принце, который, будучи женат на одной женщине, позволяет женить себя на другой?

Ответ очевиден: если бы даже не было Фрэнсис, сейчас он не осмелится вернуться к Марии.

Но принц не хотел, чтобы она думала, будто он ее забыл. Ему хотелось, чтобы она знала, как он грустит.

И он решил безотлагательно нанести визит королю.

Король принял принца Уэльского очень тепло.

«Как он постарел! – подумал принц. – Он выглядит так, словно в любой момент может снова лишиться рассудка».

Однако в произошедшей перемене имелась и выгода: король смягчился и стал более сговорчив.

Повзрослев, принц тоже стал мягче относиться к отцу, и в их отношениях не было прежней враждебности. Король был не зол, а скорее грустен. «Сколько бессонных ночей, – думал он, – провел я по милости своего сына! Но он был молод, а сейчас начинает понимать свою ответственность. Он выполнит свой долг».

– Ваше величество, сегодня я написал Малмсбери, приказав ему ускорить решение вопроса.

Король обрадовался. Наконец-то! После долгих лет, когда принц отказывался исполнять свой долг, он готов сделать решительный шаг. Прекрасно, не правда ли?

– Надеюсь, она окажется такой же плодотворной, как и твоя мать.

Боже сохрани, подумал принц. Разумеется, даже отец понимает, что тринадцать детей – а их могло быть и пятнадцать – более чем достаточная ноша на шее страны.

– Смею надеяться, что мы не разочаруем ваше величество.

Король кивнул. Решив приступить к делу, пока отец в хорошем настроении, принц быстро сказал:

– Есть дело, по которому я хотел бы спросить совета вашего величества.

– Да? Что такое?

– Вашему величеству известно, что у меня была связь с некоей дамой, которая уже... м-м-м... закончилась.

– Рад слышать, что ваша связь закончилась. Ее продолжение неминуемо повлекло бы за собой весьма серьезные последствия. Ты понимаешь какие?

Принц с трудом сдержался и ответил:

– Хорошо понимаю, ваше величество. Наши отношения прекратились, но у меня есть определенные обязательства по отношению к этой даме.

Король заворчал, но принц спешно добавил:

– В течение нашей связи дама получала три тысячи фунтов в год. Я намерен по-прежнему платить ей, хотя наши с ней отношения полностью прекращены. Но я просил бы ваше величество в случае моей смерти прежде смерти той дамы продолжить выплачивать ей пенсию.

– Знаю-знаю, – перебил его король. – Речь идет о Марии Фицхерберт, хорошенькой вдовушке. – Его рот слегка обмяк; он вспомнил молодость, годы, когда он еще был здоров. Вспомнил все искушения, которые встречались ему на жизненном пути и которым он противостоял. Вот удивились бы окружающие его люди, узнав, что он по-своему любит женщин не меньше, чем его сыновья, – только сыновья не скрывают своих чувств. Сара Леннокс, которая сушила сено в Голландском доме... Какая она тогда была красоточка! Он был готов на ней жениться. А до нее была Ханна Лайтфут, хорошенькая квакерша. Нет, о ней лучше не вспоминать. Но он поступил так, как призывал его долг, женился на некрасивой принцессе Шарлотте и постарался прогнать прочь мысли о других женщинах. Элизабет Пемброк... какая красавица! Такую женщину он мог бы любить. Она ведь служила при дворе, и ему приходилось видеть ее ежедневно, но он постоянно напоминал себе, что женат на Шарлотте и что его долг – показывать подданным пример. Долг. Вечно этот долг! Уродина Шарлотта вместо красавицы Сары Леннокс. Пятнадцать детей – и все законнорожденные. Конечно, была еще Ханна... но то было раньше... все это в прошлом. Женившись, он стал примерным мужем... хотя грешил, разумеется, в помыслах. Однако как мужчине справиться с греховными помыслами?

Благодаря собственным чувствам теперь он может понять чувства принца. Эта Мария Фицхерберт – женщина, достойная во всех отношениях. Жаль, что она католичка, англичанка и вдова, а не немецкая принцесса-протестантка. Она, наверное, сумела бы оказать хорошее влияние на принца. Собственно говоря, так оно и было – она уговорила его вести не столь бурную жизнь, меньше играть, меньше пить, расстаться с беспутными друзьями.

О да, Мария Фицхерберт заслуживает доброго отношения. Кому, как не ему, принимая во внимание собственное прошлое, следует признать ее заслуги.

– Твои... чувства делают тебе честь, – сказал король. – Я полагаю, у этой дамы есть право... на подобную заботу. Мне кажется, она всегда вела себя... самым достойным образом.

– Да, именно так! – горячо подтвердил принц.

Король кивнул:

– Значит, вопрос решен. Однако лучше будет, если инициатива будет исходить от Лафборо. Лорд-канцлер прекрасно умеет решать подобные дела. Вели ему предоставить дело мне на рассмотрение. Не бойся. Я считаю, что твои чувства делают тебе честь.

– От всего сердца благодарю ваше величество!

Король положил руку сыну на плечо; глаза его наполнились слезами. В глазах принца также блеснули слезы.

Как приятно – и как необычно, – что они стали друзьями! «Мальчик изменился, – подумал король. – Он примирился с неизбежностью свадьбы. Стал более покладистым. Более разумным. Теперь все наладится».

«Безумие изменило отца, – думал принц. – Он помягчел, стал более сговорчивым. Может быть, теперь мы сможем стать друзьями».

Через несколько дней принц получил письмо от лорда Лофборо. Лорд-канцлер извещал, что представил дело принца на рассмотрение королю. Дело касается обеспечения некоей дамы, которая удостоилась особого внимания принца и просьбы даже в прискорбном случае кончины его высочества позаботиться о ней. Его величество пожелал передать его высочеству, чтобы тот не беспокоился по данному поводу.

Принц был доволен.

Ему хотелось, чтобы Мария знала: на самом деле он ее не бросил и, хотя не может видаться с ней, думает о ней непрестанно.

Написать ей нельзя, так как он дал слово, что прекратит с ней всякие сношения. Но как сообщить ей?

Придумал! Он отправит письмо своему старому другу мисс Пиго, а та, разумеется, покажет его Марии!

Принц немедленно сел за стол и быстро набросал записку.

Мисс Пиго не смогла скрыть волнения, узнав знакомый почерк на конверте. Письмо адресовано ей! Это может означать только одно. Принц хочет, чтобы она помирила его с Марией.

Женщина вскрыла конверт, и на пол упало письмо лорда-канцлера. Она подняла его, изумленно поглядела на листок и затем стала читать записку принца.

Он не хочет, чтобы его дорогой друг мисс Пиго думала, будто он ее забыл. Мыслями он часто возвращается в Марбл-Хилл и прилагает письмо, которое ей следует показать той, кого оно касается, так как оно до определенной степени объясняет его отношение к данной особе.

Мисс Пиго еще раз перечитала письмо лорда-канцлера, поняла его смысл и бросилась в спальню Марии, где отдыхала ее хозяйка.

– О, Мария, моя дорогая, что скажете? Я получила письмо от принца!

– Письмо... вам?!

– Оно, разумеется, предназначено вам. Ясно как день! Вот письмо лорда-канцлера: вам назначена пенсия.

Мария схватила письмо; лицо ее вспыхнуло от гнева.

– Я не приму ее, – сказала она.

– Ну что вы! Конечно, примете! Ведь у вас есть долги, не так ли? Долги, которые вы сделали из-за него. Не стоит слишком уж гордиться, Мария. Он хочет, чтобы вы взяли деньги.

– Он откупается от меня, как от Пердиты Робинсон!

– Это совсем другое дело. Она шантажировала его. А вам не пришлось даже просить!

– Я не приму от него денег. Можете написать его высочеству и сообщить ему о моем отказе. Кажется, ему нравится переписываться с вами по поводу дел, которые, как я считала, касаются только меня.

Мисс Пиго оставила Марию и пошла к себе. Однако написала она не принцу, а мистеру Генри Эррингтону, дяде Марии, сообщав ему о случившемся и попросив навеститься в Марбл-Хилл, дабы убедить Марию не отказываться от денег.

Дядюшка прибыл через несколько дней; у них с Марией состоялся серьезный разговор.

Расплатилась ли она с долгами? Нет. Как думает она рассчитаться с кредиторами, получая две тысячи годовых, унаследованных после смерти мистера Фицхерберта? Она понимает, что это невозможно.

– Мария, – убеждал дядя Генри, который был ее опекуном с того времени, когда ее отец утратил дееспособность вследствие болезни и который познакомил ее с первым и вторым мужьями, – предоставь дело мне. То, что произошло, неизбежно. Ты должна выйти из положения с достоинством. Однако ты не проживешь в достатке, будучи обремененной долгами на остаток своих дней. Ты должна принять пенсию; она положена тебе по праву. Расплатишься с долгами, а затем живи по-прежнему тихо и достойно. Вот наилучший выход. Не забудь, я твой опекун и запрещаю тебе делать что-либо без моего совета.

Мария устало улыбнулась.

– Дядюшка, вы, как всегда, правы.

– Так ты позволишь уладить все твои финансовые дела за тебя?

– Да, дядя, прошу вас. Я не желаю слышать о них.

Генри Эррингтон поцеловал племянницу в щеку и заявил: он рад, что рядом с нею есть такой хороший друг, как мисс Пиго.

– Я столь многим ей обязана, милый дядюшка, – сказала Мария. – А обо мне не беспокойтесь. Я постепенно оправляюсь от потрясения, которое получила, узнав, что я брошенная жена.

Однако, оставшись одна, она спросила себя: «Так ли это? И оправлюсь ли я когда-нибудь?»

Насколько по-другому пошла бы ее жизнь, если бы дядя Генри познакомил ее с солидным сельским джентльменом вроде Эдварда Уэлда или Тома Фицхерберта. Тогда, достигнув среднего возраста, она жила бы спокойно и уютно.

Но чего бы она тогда лишилась! «Мне всегда следует помнить об этом, – сказала она себе. – Я была невероятно счастлива. А подобное счастье, как правило, недолговечно».

Мария опустила голову на подушку и тихо заплакала, вспоминая об утраченном счастье и обо всем, что она потеряла.

Разговор о пенсии означал, что все кончено.

30 декабря король объявил обеим палатам парламента:

– С величайшим удовлетворением заявляю о том, что заключен брачный договор между моим дорогим сыном, принцем Уэльским, и принцессой Каролиной Амелией Елизаветой, дочерью герцога Брауншвейгского.

Придворные оживленно обменивались новостями, а принц страдал в уединении Карлтон-Хаус.

– Пути назад нет, – рыдал он.

А в Марбл-Хилл Мария, услышав новость, сказала мисс Пиго:

– Вот я и в третий раз овдовела.

Но мисс Пиго отказывалась верить, что все кончено.

– Принц еще любит вас, – настаивала она. – Вспомните, он настоял, чтобы вам назначили пенсию. Ни за что в это не поверю, пока та женщина не будет здесь и не станет его женой.

– Значит, поверишь очень скоро, – отвечала Мария.

– Никогда! – вскричала неукротимая мисс Пиго. – Ведь он даже жениться на ней не может, потому что уже женат на вас!

Однако слова подруги не утешили Марию.

Отъезд в Англию

Джеймс Харрис, первый граф Малмсбери, примчался в Брауншвейг с такой скоростью, какую позволяли покрытые льдом дороги.

Он располагал богатым опытом, так как на протяжении долгих лет являлся послом его величества при иностранных дворах; теперь, когда ему было под пятьдесят, граф по-прежнему оставался видным мужчиной, жизнерадостным, любезным и крайне проницательным.

Он приехал в Брауншвейг, чтобы передать принцессе Каролине предложение руки и сердца; деликатное поручение, ибо, если принцесса не понравится принцу Уэльскому по прибытии в Англию, тот непременно выместит на нем свое неудовольствие. А если он увидит, что молодая принцесса не во вкусе принца? Что делать?

Малмсбери получил подробные инструкции от его величества короля Георга III. Ему предписывалось не высказывать мнения о достоинствах невесты, ничего никому не советовать по данному поводу. Обязанностью его было исключительно передать предложение руки и сердца и проследить за тем, чтобы все приготовления к обручению были проведены в срок и в надлежащей манере.

Бедная принцесса, думал Малмсбери. Немного у нее шансов сохранить привязанность его высочества; да и способна ли она ему понравиться? Он помнил, как принц явился к нему в то время, когда ухаживал за Марией Фицхерберт, он собирался отказаться от короны и вместе с любимой уехать в Европу.

Тогда он призывал его высочество к благоразумию; впрочем, в ту пору принц не способен был прислушаться к его советам. Однако благодаря такту и достоинству Малмсбери удалось сохранить уважение и дружбу принца. Ему, как и многим, принц нравился, однако это не мешало видеть все слабости его высочества. И теперь он испытывал только жалость к молодой женщине, которой суждено было стать его женой.

Малмсбери был дипломатом по натуре. Сторонник партии вигов, он в то же самое время считался другом и поверенным короля, а покуда он служил королю и пытался наладить отношения между ним и принцем, он оставался другом принца – само по себе немалое достижение.

По прибытии в Брауншвейг Малмсбери был тепло принят герцогом. В его распоряжение предоставили дворец покойного герцога Фридриха. По штату ему полагались три лакея, один камердинер, привратник и двое часовых, которые должны были охранять дворец днем и ночью. Малмсбери предоставили также карету и лошадей – словом, было сделано все для его удобства.

«Вот верный знак того, – сказал он себе, – что моя миссия увенчается успехом. Его тут же пригласили в герцогский дворец, где он был представлен герцогине и ее дочери; аудиенция у герцога, на которой он передаст тому предложение своего господина, была назначена через несколько дней».

С герцогиней Малмсбери был знаком еще в Англии. Он помнил, что она любила вмешиваться в государственные дела, была сплетницей и во многом женщиной недалекой. Судя по первому впечатлению, годы супружества не изменили ее к лучшему. Однако герцогиня занимала его не так сильно, как ее дочь.

Каролина. Будущая принцесса Уэльская и королева Англии! Ему представили девушку – уже не молоденькую, но хорошенькую, хотя и не красавицу. Фигура не блестящая: короткие ноги, хотя грудь полная и хорошей формы; красивые глаза; густые белокурые волосы и правильные черты лица. Однако брови слишком тонкие, а зубы, хоть и ровные, уже гнилые. Вот если бы она была немного повыше... и зубы получше...

Но принцесса была такой, какая есть; едва ли она понравится принцу, известному ценителю женской красоты. Малмсбери прекрасно помнил Пердиту Робинсон – одну из самых ослепительных красавиц, когда-либо ступавших на театральные подмостки. Мария Фицхерберт

красотой, возможно, уступает Пердите, зато держится с достоинством и исполнена неоспоримого очарования; еще одна красotka – леди Джерси – хотя и намного старше принцессы Каролины, но все знают: принц предпочитает старух девственницам.

Ему вспомнился слышанный где-то глупый стишок:

Менял я женщин, как перчатки,
Любил без счета важных дам;
Но всех красоток мне милее
Старушка Джерси – да-да-да!

Да, всем известно о склонности принца к опытным женщинам, старше его. Спрашивается, что он подумает об этой неуклюжей дикарке, которая воспитывалась при захолустном дворе Брауншвейга? Малмсбери попытался представить себе Каролину в Карлтон-Хаус или Морском павильоне.

В результате он ощутил острую жалость по отношению к бедной девушке. Принца она разочарует, однако найдется немало охотниц утешить его.

На парадном обеде Малмсбери посадили по правую руку от герцогини.

– Какая радость, – вздохнула она, – видеть кого-то из Англии!

Малмсбери напомнил ей, что прибыл не напрямую из Англии. Прежде чем приехать в Брауншвейг, он побывал в Берлине и Ганновере.

– Но вы англичанин, и я тоже, милорд. Я никогда не забуду о том, что я англичанка. Мой дорогой брат! Я часто думаю о нем. А его ужасная... просто ужасная болезнь! Как грустно. К счастью, у него есть сын... мой милый принц... мой красавец-племянник. Я столько о нем слышала!

Малмсбери пришел в замешательство. Что бы это значило?

А герцогиня продолжала болтать:

– Я слышала, он само очарование! Он законодатель мод. А его Карлтон-Хаус – настоящая сокровищница. Говорят, у него великолепный вкус; к тому же он очень умен.

Разумеется, момент для обсуждения предстоящей свадьбы был не самым удобным, так как Малмсбери еще не передал герцогу формального предложения, однако герцогине удалось затронуть эту тему, и она не скрывала радости.

На балу, который последовал за обедом, он танцевал с принцессой. Близкое общение с нею стало поводом для очень тревожного открытия. Совершенно очевидно, что принцесса не слишком скрупулезно заботится о собственной чистоплотности. Какой ужас! Малмсбери представил себе принца в надушенном белье, который то и дело принимает ванны. Все знают, как он брезглив и привередлив. Настоящее бедствие! И самое страшное, что он, как посол, едва ли в состоянии чем-либо здесь помочь. Ведь король приказал ему не давать никаких советов, а просто начать переговоры.

«Бедняжка!» – подумал Малмсбери. Она так явно возбуждена открывшейся перед ней перспективой.

В надлежащий срок посол передал формальное предложение герцогу, который принял его с нескрываемой радостью. Отныне предстоящее событие можно было обсуждать открыто.

Двор Брауншвейга был охвачен волнением и суетой. Шли дни, и Малмсбери становилось все больше и больше жаль принцессу. Он понимал, что бедняжка вызовет у принца отвращение, а поскольку девушка грезила о будущей счастливой жизни в Англии, послу хотелось развеять ее иллюзии, но при этом не ранить. Как ни странно, она начала ему нравиться. Его трогала ее естественность. Конечно, сразу видно, что принцесса весьма несдержанна, и ей предстоит многому научиться. Однако она умна и, как надеялся Малмсбери, способна усвоить хорошо преподанный урок. Но кто преподаст ей такой урок, если не он?

Нет-нет. Такие задачи не входят в его обязанности посла! Однако тактичное, ненавязчивое руководство способно избавить ее от многих бед.

Влияние матери казалось Малмсбери весьма предосудительным. Августа была вне себя от возбуждения. Ее дочь станет королевой Англии! Любая принцесса может только мечтать о таком высоком положении! Подумать только, после стольких лет ожидания ее Каролине достался главный приз.

Она без умолку болтала с Малмсбери.

– Так значит, выбор пал на Каролину. Хотя чему тут удивляться? Король – мой брат. Так почему бы и не выбрать Каролину? До моего замужества брат очень любил меня. Милый Георг! Он был такой славный и добросердечный, хотя, увы, не блистал умом. Георг всегда был предан семье и особенно своим сестрам. Но, конечно, все это было очень давно, а потом он женился на той ужасной женщине. Она никогда мне не нравилась. Я боюсь, что она невзлюбит Каролину.

Малмсбери заверил герцогиню: королева отнесется к ее дочери по-матерински.

– Ах, милорд! – вскричала герцогиня. – Вы забываете, что я знакома с этой женщиной. Когда они поженились, я еще была при дворе. Я никогда ее не забуду. Я невзлюбила ее с первого взгляда, а она возненавидела меня. Моя милая матушка, вдовствующая принцесса Уэльская, разделяла мое мнение о ней. Знаете, едва приехав, она вознамерилась руководить Георгом! Но матушка быстро положила конец ее козням. Шарлотту немедленно поставили на место.

Малмсбери поднял брови – единственный способ, которым он мог выразить свое неодобрение. Интересно, какое влияние такая мать могла оказать на дочь?

Он пытался перевести разговор на другую тему, но герцогиня оседлала своего любимого конька. Она только и говорила, что о королеве Шарлотте. Малмсбери оставалось лишь повторять:

– Уверен, ее величество исполнит свой долг по отношению к невестке.

Разговоры с герцогом протекали куда более плодотворно.

– Меня немного тревожит будущее моей дочери, – говорил герцог. – Я старался объяснить ей всю важность того положения, которое она займет, пытался внушить ей чувство ответственности.

– Принцесса все осознает, когда прибудет в Англию, – отвечал Малмсбери.

– Я часто разговаривал с дочерью, постоянно подчеркивая, что она едет в Англию не только для того, чтобы танцевать на балах и радоваться жизни. На ее плечи ляжет огромная ответственность. Может быть, ваше превосходительство сумеет ознакомить ее с тем, чего ей ожидать при английском дворе? Уверен, вы справитесь с задачей лучше, чем кто-либо другой.

Малмсбери поклонился и обещал сделать все возможное.

Самыми поучительными счел он беседы с мадам де Херцфельдт. Вот, наконец, умная женщина, которая понимает Каролину. Посол быстро понял, что принцесса уважает любовь отца больше, чем родную мать, хотя и испытывает неловкость от «тройственного союза». Если бы мадам де Херцфельдт была матерью принцессы, размышлял Малмсбери, его задача была бы легче; возможно, тогда принцесса более подходила бы для роли принцессы Уэльской, чем сейчас.

– Каролину ни в коей мере нельзя назвать глупой, – сказала мадам де Херцфельдт, – хотя она и не блещет умом. У нее доброе сердце... однако она слишком порывиста и совершенно лишена такта.

Малмсбери помрачнел, и мадам де Херцфельдт быстро добавила:

– Каролина крайне отзывчива на доброту. Ей нужна привязанность. Она очень любит детей. Это своего рода страсть. Полагаю, если у нее будут дети, она будет счастлива и союз будет удачным.

– Мадам, – отвечал Малмсбери, – с вами я могу говорить откровенно. Больше всего я боюсь первого впечатления. До вас, несомненно, доходили слухи о нашем принце; с вашим

знанием света вы, должно быть, поняли, что он за человек. Он законодатель мод. Его прозвали «первым джентльменом Европы». Боюсь, принцу может показаться, что принцессе недостает... э-э... обаяния и... скажем, загадочности – тех качеств, которые он больше всего ценит в женщинах.

– Ваше превосходительство, я отлично понимаю, что вы имеете в виду, и опасаюсь того же. Я люблю Каролину. Но здешнее положение... – Она развела руками, и Малмсбери сочувственно кивнул. – Мы... все трое... пытались сделать для нее то, что считали самым лучшим... Однако при данных обстоятельствах наша задача была непростой. Все дети герцога... как бы сказать... необычные.

Малмсбери сочувственно кивнул.

– По-моему, по отношению к Каролине следовало проявлять больше строгости. Ей было дано много воли, возможно, слишком много. И она уже не юная девушка, так что влиять на нее совсем непросто. По-моему, ей очень нужен добрый советчик, который будет говорить с ней абсолютно откровенно.

– Вы, мадам?

Она покачала головой:

– Нет. Это нелегко... в моем положении.

– Может быть, ее отец?

– Каролина очень его любит, восхищается им, но вместе с тем и боится. Она скрывает страх, однако факт остается фактом. По ее мнению, герцог бывает суров. И все потому, что один пытается приучить ее к дисциплине.

– Только не ее мать! – в тревоге вскричал Малмсбери, понимая, какую медвежью услугу окажут принцессе многословные материнские «советы».

Мадам де Херцфельдт успокаивающе улыбнулась:

– Нет, разумеется, не герцогиня. Ваше превосходительство извинит мою откровенность, потому что я считаю воспитание Каролины делом чрезвычайной важности. Принцесса не питает по отношению к матери никакого почтения. Я много раз была свидетельницей того, как у нее появляется отсутствующий взгляд, когда мать обращается к ней, знаю, что она не слышит и половины того, что говорит ей герцогиня. При нашем дворе есть лишь один человек, способный помочь принцессе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.